

SOCIOLOGY OF CITY

2021 no 4

Scientific-and-theoretical journal

4 issues per year

Year of foundation — 2007
1st issue was published in 2008

Russian Federation, Volgograd

Founders:
Volgograd State Technical University
(VSTU)

The journal is included in Russian Science
Citation Index (RSCI)
(<http://www.elibrary.ru>),
Ulrich's Periodicals Directory
(<http://serialsolutions.com>),
DOAJ (<http://www.doaj.org>),
EBSCO (<http://www.ebsco.com>)

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Волгоградский государственный
технический
университет

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Sotsiologiya Goroda

2021 № 4

Научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Учрежден в 2007 г.
1-й номер вышел в 2008 г.

г. Волгоград

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
технический
университет» (ВолгГТУ)

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-71951 от 13 декабря 2017 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Журнал входит в утвержденный ВАК Минобрнауки России Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Журнал включен в базы данных:
Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ), <http://www.elibrary.ru>,
Ulrich's Periodicals Directory, <http://www.serialsolutions.com>,
Directory of Open Access Journals (DOAJ), <http://www.doaj.org>
EBSCO, <http://www.ebsco.com>

Редакционный совет:

председатель — д-р техн. наук
О.В. Душко
(ВолгГТУ, Волгоград)

зам. председателя — д-р экон. наук,
проф. **О.В. Максимчук**
(ВолгГТУ, Волгоград)

канд. архит., проф. **А.В. Антюфеев**
(ВолгГТУ, Волгоград)

д-р техн. наук, проф. **Л.В. Примак**
(РАНХиГС, Москва)

**Главный редактор
журнала:**

д-р филос. наук, доц.
Е.В. Карчагин (ВолгГТУ, Волгоград)

Редакционная коллегия:

д-р техн. наук, проф. **В.Н. Азаров**
(ВолгГТУ, Волгоград)

чл.-корр. РААСН, канд. архит.,
проф. **А.В. Антюфеев** (ВолгГТУ, Волгоград)

чл.-корр. РААСН, д-р архит.,
проф. **Е.А. Ахмедова** (СамГТУ, Самара)

д-р техн. наук, проф. **Н.В. Бакаева**
(ЮЗГУ, Курск)

д-р филос. наук, проф. **В.И. Добрен'ков**
(МГУ, Москва)

д-р техн. наук, проф., академик РААСН
В.Т. Ерофеев (МГУ, Саранск)

д-р архит., профессор **Леандро Мадрацо
Агудин** (университет Рамона Ллулла,
Барселона)

чл.-корр. РААСН, канд. архит.,
проф. **В.К. Моор** (ДВФУ, Владивосток)

чл.-корр. РААСН, д-р архит.,
проф. **Г.А. Птичникова** (Волгоградское
представительство НИИТИАГ РААСН)

д-р техн. наук **С. В. Корниенко** (ВолгГТУ,
Волгоград)

д-р филос. наук, д-р юрид. наук,
проф. **Н.Н. Седова** (ВолгГМУ, Волгоград)

академик РААСН, д-р архит.,
проф. **М.В. Шубенков** (МАРХИ, Москва)

Адрес редакции:

400005, г. Волгоград, пр-т им. Ленина, 28
Тел. (8442)96-99-25, (8442)96-98-28

Адрес учредителя:

400005, г. Волгоград, пр-т им. Ленина, 28

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный
технический университет», 2021

Editorial council:

Chairman — Doctor of Engineering Science
O.V. Dushko (VSTU, Volgograd)

Deputy Chairman —
Doctor of Economics, Professor **O.V. Maksimchuk**
(VSTU, Volgograd)

Candidate of Architecture, Professor **A.V. Antyufeev**
(VSTU, Volgograd)

Doctor of Engineering Science, Professor **L.V. Primak**
(The Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration, Moscow)

Chief Editor:

Doctor of Philosophy, Docent
E.V. Karchagin (VSTU, Volgograd)

Editorial team:

Doctor of Engineering Science, Professor
V.N. Azarov (VSTU, Volgograd)

Corresponding Member of RAASN, Candidate of Architecture,
Professor **A.V. Antyufeev** (VSTU, Volgograd)

Corresponding Member of RAASN, Doctor of Architecture,
Professor **E.A. Akhmedova** (SSTU, Samara)

Doctor of Engineering Science, Professor
N.V. Bakaeva (SWSU, Kursk)

Doctor of Philosophy, Professor
V.I. Dobren'kov (Moscow State University, Moscow)

Academician of RAACS, Doctor of Engineering Science,
Professor **V.T. Erofeev** (MSU, Saransk)

Doctor of Architecture, Professor **Leandro Madrazo Agudin**
(Ramon Llull University, Barcelona)

Corresponding Member of RAASN, Candidate of Architecture,
Professor **V.K. Moor** (FEFU, Vladivostok)

Corresponding Member of RAASN, Doctor of Architecture,
Professor **G.A. Ptichnikova**

(Volgograd branch of The Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town Planning
of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences)

Doctor of Engineering Science
S.V. Kornienko (VSTU, Volgograd)

Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor **N.N. Sedova**
(Volgograd State Medical University, Volgograd)

Academician of RAACS, Doctor of Architecture,
Professor **M.V. Shubenkov** (MARKHI, Moscow)

Address:

Volgograd State Technical University (VSTU).
28, Lenina Avenue, Volgograd, 400005, Russian Federation,
info@vgasu.ru, www.vgasu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ
ГОРОДЕ**

От редакции ... 5

Карчагин Е. В. Социология города
и современные городские исследования ... 6

Стризов А. Л. Социологические исследования города:
на перекрестке методологических подходов ... 15

Корниенко С. В. Биомиметика: идеи, вдохновленные
природой ... 27

Птичникова Г. А., Антюфеева О. А. Архитектура и город:
взгляд через кинематограф ... 39

Леонтьева Е. Ю. Центр большого города: запах,
человекомерность, хронотоп ... 52

Яворский Д. Р. Религия в мегаполисе:
методологические заметки ... 61

Максимчук О. В. Город как социально-экономическая
система: теория и методология изучения ... 70

Условия приема статей в редакцию
и требования к авторским оригиналам ... 85

АВТОРАМ

CONTENTS

	<i>Editorial... 5</i>
MAN IN CONTEMPORARY CITY	<i>Karchagin E. V.</i> Urban sociology and contemporary urban studies ... 6
	<i>Strizoe A. L.</i> Sociological urban studies: at the crossroads of methodological approaches ... 15
	<i>Komienko S. V.</i> Biomimetics: ideas inspired by nature ... 27
	<i>Ptichnikova G. A., Antyufeeva O. A.</i> Architecture and city: looking through cinema ... 39
	<i>Leontyeva E. Yu.</i> Big city center: smell, human dimension, chronotope ... 52
	<i>Jaworsky D. R.</i> Religion in metropolis: methodological notes ... 61
	<i>Maksimchuk O. V.</i> City as a socio-economic system: theory and methodology ... 70
	INFORMATION FOR AUTHORS ... 85

Вниманию авторов и читателей!
Подписку на журнал можно оформить в отделениях Почты России по каталогу «Пресса России», подписной индекс **29507**, и электронному каталогу агентства «Книга-Сервис» (www.akc.ru), подписной индекс **E 29507**.
По вопросам приобретения выпусков журнала 2008–2021 гг. обращаться в редакцию по тел. (8442) 96-99-25

Домашняя страничка журнала ISSN 2077-9402 (Online)
на сайте ВолгГТУ www.vgasu.ru
(<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology>)

19 ноября 2021 года в Институте архитектуры и строительства Волгоградского государственного технического университета состоялся круглый стол «Городские исследования: проблемы теории и методологии».

Проведение круглого стола было приурочено к 80-летию основателя и первого главного редактора журнала «Социология города» Б. А. Навроцкого (1941—2021). Выбор тематики обусловлен научными интересами Б. А. Навроцкого, который посвятил свою творческую жизнь как разработке методологических проблем современной науки, так и проблемам изучения города.

В своих выступлениях доктора философских наук Е. В. Карчагин, М. П. Назарова, А. Л. Стризов, Е. Ю. Леонтьева, Д. Р. Яворский, доктор технических наук С. В. Корниенко, доктор экономических наук О. В. Максимчук, доктор философских наук, доктор юридических наук Н. Н. Седова затронули различные аспекты современного состояния городских исследований, включая вопросы развития социологии города, настоящего и будущего городов, актуального состояния архитектуры, экономических и религиозных процессов в городском контексте.

В данный номер вошли статьи, подготовленные по материалам выступлений.

В статье Е. В. Карчагина содержится попытка описать положение социологии города сегодня, а также показать перспективы развития данной научной дисциплины в связи с общей междисциплинарной рамкой городских исследований. В статье также обозначаются ключевые темы и проблемы, анализ которых востребован сегодня.

Статья А. Л. Стризов предлагает вариант методологической систематизации возможных направлений социологических исследований современного города, основанный на единстве цивилизационного, социокультурного и формационного анализа.

В фокусе статьи С. В. Корниенко — проблема развития концепции кинетической архитектуры на основе принципов биомиметики. Автор утверждает, что сотрудничество биологов, архитекторов и инженеров позволит разработать научно обоснованные решения умных, экологически безопасных, безуглеродных, биопозитивных, энергоэффективных, ресурсосберегающих зданий для развития устойчивой архитектуры.

Г. А. Птичникова, О. А. Антюфеева пишут о взаимовлиянии архитектуры и кинематографа. Архитектура является важной составляющей кинематографа в связи с необходимостью создания существующих реальных или вымышленных мест действия. В свою очередь кинематограф влияет на развитие архитектуры, определяя некоторые тренды ее развития.

Е. Ю. Леонтьева в своей статье на основе ольфакторного подхода выдвигает гипотезу связи между запахом центров больших городов, их человекомерностью, духовной и физической (в частности, пространственно-временной) и комфортностью пребывания в них.

В тексте Д. Р. Яворского представлено исследование религиозных явлений в городском контексте. Компоненты религиозного ансамбля могут существовать независимо друг от друга, а также в условиях мегаполиса принимать новые (синкретические, индивидуалистические, игровые и т. п.) формы.

В статье О. В. Максимчук анализируется город как социально-экономическая система. Автор описывает социально- и организационно-экономические отношения и процессы в городе и затрагивает проблемы изучения социально-экономических процессов в городе.

Главный редактор журнала Е. В. Карчагин

УДК 316.6

*Е. В. Карчагин***СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА
И СОВРЕМЕННЫЕ
ГОРОДСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье содержится попытка прояснить положение социологии города сегодня, а также показать перспективы развития этой научной дисциплины в связи с общей междисциплинарной рамкой городских исследований. Положение социологии города обусловлено не только процессом внутреннего развития социологии, но изменением самих городов. В статье обозначаются ключевые темы и проблемы, анализ которых востребован сегодня. Показано, что городские исследования должны решать прежде всего дескриптивные задачи анализа городских явлений через масштабирование уровней, различения пространственно-временных координат городских явлений, учета социальной и материальной-технической сторон городов. В то же время повышается роль изучения городских поселений разного масштаба и разной географической локализации. Особое значение сегодня играют такие факторы, как дигитализация общественных и городских процессов и вторжение природных факторов в городской контекст, угрожающих здоровью горожан и модифицирующих городские структуры и городскую повседневность. Наконец, интерес сохраняет социально-критическая проблематика городских исследований.

Ключевые слова:

город,
социология города,
городские исследования.

*Е. V. Karchagin***URBAN SOCIOLOGY
AND CONTEMPORARY
URBAN STUDIES**

The article attempts to clarify the position of urban sociology

Введение

Социология города — одна из первых самостоятельных отраслей (или «теорий среднего уровня») социологии. Ее история столь же долгая, как и история социологии вообще, и может быть в общих чертах прослежена без каких-либо натяжек и преувеличений вплоть до трудов классиков социологической мысли (Ф. Теннис, Г. Зиммель, М. Вебер). По этой причине положение социологии города в рамках общей социологии особенное. По словам известного британского социолога Э. Гидденса, «город нельзя рассматривать как нечто второстепенное для социальной теории, он принадлежит к самой ее основе. Точно так же и „городская социология“ есть нечто больше, чем просто одна из отраслей социологии среди других, она находится в центре некоторых самых фундаментальных проблем общего социологического интереса» [1, р. 140]. Само становление социологии как особой дисциплины стало во многом возможно благодаря городским социологическим исследованиям первой половины XX в., прежде всего в Чикагском университете. Так, Дж. Конте в своем информативном исследовании цитирования классических научных текстов в публикациях по городской социологии в период с 1950 по 2019 г. показал, что несмотря на наблюдаемое смещение в сторону марксистского и спационального (пространственного) подхода чикагская школа не утратила своего влияния до сих пор [2].

В исследовательской литературе нередко встречается интерес к рефлексии актуального положения социологии города как особой дисциплины, к формулированию того, чем она должна заниматься, и то, какое будущее ее ожидает [3]. В самом начале XXI в. Б. Перри и А. Хардинг задались вопросом о будущем городской социологии. В результате интерпретации позиций социологов из нескольких социологических профессиональных ассоциаций было обозначено, что социология города «возможно, вступает в постдисциплинарную эру городских исследований, где границы между социологической, географической или политической интерпретацией современных дебатов менее релевантны, чем попытки понять социальную, политическую и экономическую жизнь городов в современном капитализме» [4, р. 851].

Настоящее и будущее социологии города тем самым связано с двумя видами изменений. Первый вид изменений касается собственно развития самой

today, as well as to show the prospects for the development of this scientific discipline in connection with the general interdisciplinary framework of urban research. The position of the sociology of the city is determined not only by the process of internal development of sociology, but by the change in the cities themselves. The article also identifies key topics and problems, the analysis of which is in demand today. It is shown that urban research should primarily solve the descriptive tasks of analyzing urban phenomena through scaling levels, distinguishing the space-time coordinates of urban phenomena, taking into account the social and material-technical aspects of cities. The key parameters of the current state of affairs are associated with the analysis of urban settlements of different scales and different geographic locations. Factors such as the digitalization of social and urban processes and the invasion of natural factors (coronavirus infection) that threaten the health of citizens and modify urban structures and urban everyday life are of particular importance today. Finally, the socio-critical issues of urban research remain of interest.

Keywords:

city,
sociology of the city,
urban studies.

Об авторе:

Карчагин Евгений Владимирович —
д-р филос. наук,
и.о. зав. каф. философии,
социологии и психологии,
главный редактор
журнала «Социология города»,
Волгоградский государственный
технический университет
(ВолГТУ).
Российская Федерация, 400074,
г. Волгоград,
ул. Академическая, 1;
evgenkar@yandex.ru;
ORCID: 0000-0001-7398-9292

Karchagin Evgeniy Vladimirovich —
Doctor of Philosophy,
Head of Philosophy, Sociology
and Psychology Department,
Chief Editor of Sociology of City Journal,
Volgograd State Technical University
(VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074,
Russian Federation;
evgenkar@yandex.ru;
ORCID: 0000-0001-7398-9292

науки, точнее, ее теоретико-методологического инструментария. Второй вид изменений касается трансформации объекта, т. е. объективных изменений городов, диктующих необходимость новых исследований. Хотя эти два направления развития взаимосвязаны, их не следует смешивать и необходимо рассматривать отдельно. Соответственно, цель данного текста — выявить параметры текущего положения дел в социологии города. В перечень указанных параметров я отношу следующие: 1) теоретические ресурсы, позволяющие изучать город как особый объект; 2) ключевые проблемы городских исследований, анализ которых востребован сегодня.

Социология города и urban studies

Сегодня социология города как самостоятельная предметная область претерпевает неизбежную трансформацию. В общем, это вызвано тем, что современная социология находится в кризисе. Сложное положение характерно и для многих социологических субдисциплин. Обилие конкретно-социологических и эмпирических исследований в основном превалирует над редкими попытками теоретических и методологических рефлексий. По всей видимости, ушло время больших имен и «гранд-теорий» в социологии. Эта констатация уже, по сути, стала общим местом для социологической рефлексии. В этом смысле социология города несет на себе всю тяжесть положения социологии вообще, ее кризисного состояния.

Как это часто бывает в науке, город не является сугубым объектом социологии города, но предмет научного внимания целого ряда дисциплин, включая историю, географию, экономику, градостроительство и архитектуру, философию, экологию. Ведь не секрет, что многие ценные идеи и мысли сегодня содержатся в публикациях архитекторов, географов, историков и т. д. Ряд теорий города относится сразу к нескольким научно-теоретическим традициям. Не всегда можно с достаточной четкостью прочертить адекватные границы между указанными дисциплинами, понять, занимает ли социология города главенствующее положение в urban studies, и вообще определить, какое у нее положение в ряду соответствующих дисциплин. Тем самым важной является проблема демаркации социологии города и урбанистики. Социология города не может развиваться без оглядки и на сопутствующую ей дисциплину — rural sociology.

Сегодня социология города во многом размыта в более широкой области городских исследований (urban studies). У этого положения вещей есть свои плюсы и минусы. Негативная сторона связана с утратой доминирующего положения социологии города, потерей самостоятельности. Позитивная сторона связана с общенаучными достижениями, так как объект социологии города продолжает исследоваться часто и без помощи и доминирующего участия социологов. Социологи вынуждены прокладывать свой собственный путь в рамках этих процессов.

Что такое город и городское? Наличие каких существенных свойств должно быть у каждого города, следует ли утверждать существование некоей городской сущности, наличие которой или которых делает поселение городом? Надо сказать, что данные вопросы не всегда получают ответы, которые заслуживают. Даже в важной работе Дж. Р. Шорта «Городская теория: Критическая оценка» отмечается, что «термин „городское“ пластичен и эластичен», он «относится к городам в общем, но особенно к крупному виду городов, которые всеми распознаются как нечто большее, нежели большие деревни» [5, р. 2]. Однако вопросы определения города не следует смешивать с вопросами теоретического осмысления города. С теориями города, как говорится, все в порядке. Например, в книге Е. Г. Трубиной «Город в теории» [6], вышедшей 10 лет назад, во время подъема в России общественного и академического интереса к урбанистической проблематике, содержится довольно подробный и добротный аналитический обзор городских теорий. Е. Г. Трубина делает прекрасное обобщение истории городских теорий и дает обзор ключевых разворотов современных городских исследований. Я отсылаю читателя к этой монографии, а далее в статье коснусь актуальной теоретической рамки и бегло отмечу несколько актуальных на сегодняшний день тем для социологии города и городских исследований.

Макро, мезо, микро и проблема контекста

Город представляет собой пространство, находящееся на пересечении макро- и микромасштабов. По словам известного французского философа А. Лефевра, он «располагается на стыке, на полпути от так называемого ближнего порядка (отношения индивидов в группах разного размера, более или менее организованных и структурированных и отношения этих групп между собой) и дальнего порядка, то есть общества, регулируемого крупными и властными институтами (Церковь и Государство), формализованным или неформализованным легальным кодом, „культурой“ и значимыми ансамблями, наделенными силами, с помощью которых дальний порядок проектирует себя на этот высший уровень и предписывает себя» [7, р. 101].

Тем самым важное напряжение социология города наследует из общей социальной теории — различие между макро- и микроуровнями. Следует также говорить и о мезоуровне, где речь идет о городской культуре, городской политике, городской религии, городской экономике. Тем самым социология города, будучи «теорией среднего уровня», сама может быть понята как трехуровневая структура со своими теоретическим, средним и конкретно-эмпирическим уровнями. Это говорит о важности учета масштаба фокусировки. Город должен исследоваться и в макро-, и мезомасштабах, и как объект микросоциологии. Предметом социологии города может быть общая теория города, т. е. понимание

того, что есть город как таковой. Не меньшее значение имеют микроуровневые исследования города [8] и в целом эмпирические исследования частных, локальных, «конкретных» вопросов и объектов города как разноуровневые системы.

В данном различении уровней схвачен важный аспект: мы осмысляем город как некую предметную единицу или осмысляем некое городское явление, которое обусловлено городским контекстом. Город как отдельно взятая сущность и город как рамка, контекст для других явлений, которые изучаются вполне самостоятельно, хотя и имеют на себе неизбежное влияние более широкого городского контекста. Здесь стоит различить также два типа явлений: первые суть сугубо городские явления, не существующие за пределами городов, а вторые суть вполне самостоятельные явления, но изучаемые в городском контексте. Примером первого может служить явление джентрификации, а примером второго — торговля. Так, К. Ву пишет, что городская социология должна быть понята как социология города. Первую он понимает как фокусировку на социальных проблемах и социальных процессах в городском контексте, что в итоге делает ее трудно отличимой от общей социологии, тогда как вторая должна исследовать города как самостоятельные особые сущности, проводить их сравнительный анализ и исследовать их влияние на общественную жизнь [9].

Городское пространство и городское время

Долгое время — вплоть до настоящего времени — господствовал пространственный, спациональный подход к анализу города. Одним из самых авторитетных введений в городские исследования является книга М. Готтдинера, Р. Хола и К. Кинга [10], основанная именно на социопрограммном подходе. Безусловно, данный подход нужно применять и дальше. Однако уже сам родоначальник этого подхода А. Лефевр заложил основы для анализа городского времени (прежде всего благодаря категории «ритманализа»). Тем самым темпоральный аспект городов не следует сбрасывать с научно-теоретических счетов.

Город как социотехническая система

Как показали Е. А. Попов и соавт. в 2016—2018 гг., в порядка тридцати социологических диссертациях наблюдается крен в сторону экономических и управленческих аспектов социологии города, в то время как социокультурный аспект и проблема «человек и город» оказываются лишены должного внимания [11]. Это утверждение довольно ценно, но тем не менее ограничено.

Социокультурный аспект городских исследований не в полной мере очерчивает предметную область социологии города. Плодотворно различение города как материального объекта и городской жизни. Город как систему необходимо понимать как объединение социальной и технической подсистем. Город есть социально-техническая система. Социология города не должна концентрироваться сугубо на социальной стороне, но должна принимать во внимание и техническую (см., например: [12]). По этой причине востребован анализ городской инфраструктуры, взятой в социальном контексте, а не самой по себе. Все еще актуален вопрос об архитектуре как объекте социологического интереса [13].

Города Севера и Юга

Развитие городов имеет и региональные особенности в разных местах планеты, прежде всего на Глобальном Севере и Глобальном Юге. Поэтому важно учитывать географическое расширение реальных эмпирических объектов городской социологии, поскольку большинство интерпретаций городских проблем и городского бытия выведено в результате изучения небольшого количества американских городов [14]. Возможно, как утверждают М. Гарридо и соавт., нам действительно необходим новый словарь для описания структурной организации городов Глобального Юга: выселение, сегрегация, пригороды, насилие и джентрификация, который, по мнению авторов, лучше схватывают опыт Индии, Китая, Мексики, Филиппин и Южной Африки [15]. В таком случае следует поддержать рост исследований, который нацелены на описание локальных процессов урбанизации в глобальной перспективе в разных регионах Глобального Юга [16].

И для более адекватного анализа российских городов необходимо принимать во внимание данный общий глобальный контекст процесса урбанизации. Это позволит выделить особенности российского опыта урбанизации [17]. Кроме того, возрастает роль малых городов для современной социологии города [18]. Для России эта роль столь же значима, особенно если касаться радикального изменения паттернов городской жизни в результате утраты индустриального советского базиса, который во многом был фактором создания этих городов [19].

Цифровизация городов

А. Лефевр писал в середине прошлого века, что современное общество можно называть городским, урбанизированным. Можно ли сегодня считать его утверждение соответствующим действительности? С одной стороны, это так. Городское население продолжает расти. С другой стороны, сегодня набирают обороты другие процессы, которые отражаются на обществе вообще и тем самым на современных городах. Одним из самых значимых в последние годы и десятилетия фактором, влияющим на общество и, соответственно, города, является цифровизация, дигитализация, воздействие виртуальной реальности, т. е. современных технологий, связанных с «цифрой». Сегодня много пишут об умных городах. Это значит, что есть более серьезные силы, кроме города, которые влияют на город.

Т. Мачимура отмечает: появление киберпространства притормозило влияние городов на культурно-экономические изменения. В этой связи интересен вопрос о форме городов нового типа: «Сейчас необходимы городские исследования, которые могут более четко объяснить взаимосвязь между социальными, политическими, культурными и материальными факторами в городе. Социологическое воображение в новую городскую эпоху должно выходить за рамки модернистского мышления. Японские города являются наглядным примером особых городских траекторий со времен глобализации с точки зрения их уникального опыта и хрупкости» [20].

Цифровизация не только поменяла объект городских исследований, но и позволила изменить методологию городских социологических исследований, которая сегодня включает в себя новые цифровые методы, недоступные еще несколько десятилетий назад. Цифровизация самих городов тем самым привела к

развитию цифровых методов. Это касается улучшения методологии как количественных, так и качественных социологических исследований [21, р. 19].

Пандемия и вопросы городской экологии

Особая тема сегодня — экологическая. Как известно, одна из первых концептуализаций города была именно экологическая [22]. Однако современные исследования в данных рамках несколько изменили понимание экологии. Появляются даже довольно экзотические конструкты — экотеология [23]. Вопросы озеленения сохраняют свое значение до сих пор. И, возможно, значение этого фактора сегодня даже возрастает ввиду необходимости обеспечить принципы сохранения здоровья для городского населения. Тем самым экологический фактор смыкается с медицинским.

Вопросы общественного здоровья особенно обострились в последние два года в связи с пандемией COVID-19. Наиболее актуальным контекстом городских исследований в последние годы по понятным причинам стала пандемия, трансформация городов и городской жизни в условиях пандемии, которая, по всей видимости, далека от завершения в ближайшем обозримом будущем.

Нормативный аспект городских исследований

Если социологию понимать как социальную теорию, что довольно обоснованно по ряду аргументов, то к ведению социологии города будут относиться и разнообразные образы города в социально-утопической традиции и в архитектурном воображении. Город здесь понимается как общественный феномен, как способ организации более справедливой жизни людей. То есть исследователи города могут проводить анализ образов *должного*, а не только изучение сущего.

Сюда же относятся и проблемы реализации в устройстве и жизни городов социально-политических принципов и ценностей (справедливость, равенство), а также проблемы реализации и идеологических оснований, и «эстетических» планировочных принципов благоустройства и комфортности, и таких политических принципов, как безопасность. Город может быть понят как арена политической борьбы, политических процессов разного масштаба [24]. Городской активизм и деятельность городских движений [21, 25], анализ городских конфликтов [26] — важнейший сегмент дескриптивных городских исследований сегодня.

Кроме того, и сам город, городское могут быть поняты как идеология. В этом смысле урбанизм, точнее, его разновидности также следует учитывать и изучать. Не следует забывать и требуемого в некоторых западных академических традициях критического академического посыла. Г. Бускет отмечает, что французские социологи, занимающиеся городом, в сравнении с 1960-ми в 1970—80-е годы стали более деполитизированы и несколько утратили критический потенциал [27].

Трудно развести научный принцип объективизма и социально-критический взгляд. Важно понимать отличительные особенности этих позиций, точки их схождения и расхождения. Это связано с тем, что часть важного для дисциплины наследия не носит собственно социологического подхода, а выросло из социального активизма. Главный пример этого утверждения — фигура Джейн Джекобс.

Заключение

В основе данного текста было несколько мотивов: показать перспективы развития социологии города в связи с общей междисциплинарной рамкой городских исследований, а также очертить спектр актуальных проблем и перспективы развития этой научной дисциплины. Городские исследования должны принимать во внимание дескриптивные задачи анализа городских явлений через масштабирование уровней, через различение пространственно-временных координат городских явлений, с учетом социальной и материально-технической сторон городских систем. В то же время повышается значение изучения городских поселений разного масштаба и разной географической локализации. При этом данный взгляд на множественные разновидности поселений должен учитывать сегодня такие факторы, как дигитализация общественных и городских процессов и вторжение в городской контекст природных факторов, угрожающих здоровью горожан и модифицирующих городские структуры и городскую повседневность. Наконец, непреходящий интерес сохраняет социально-критическая проблематика городских исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Giddens A. A.* Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 1. Power, Property and the State. London: Macmillan, 1981.
2. *Conte J. A.* Citation Classics in Urban Sociology: Mapping the Intellectual Evolution of a Research Specialty // Behavioral & Social Sciences Librarian. 2017. Vol. 36. Iss. 3. Pp. 136—158.
3. *Стрельникова А. В.* Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант, 2012. 232 с.
4. *Perry B., Harding A.* The future of urban sociology: report of joint sessions of the British and American Sociological Associations // International Journal of Urban and Regional Research. 2002. Vol. 26. Iss. 4. Pp. 844—853.
5. *Short J. R.* Urban theory: A critical assessment. Macmillan International Higher Education, 2014.
6. *Трубина Е. Г.* Город в теории. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 502 с.
7. *Levebvre H.* Writings on Cities. Oxford: Basil Blackwell, 1996.
8. Микроурбанизм. Город в деталях / под ред. О. Бредниковой, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
9. *Wu C.* Moving from Urban Sociology to the Sociology of the City // The American Sociologist. 2016. Vol. 47. Iss. 1. Pp. 102—114.
10. *Gottdiener M., Hohle R., King C.* The new urban sociology. Routledge, 2019.
11. *Попов Е. А., Замятина О. Н., Воронина С. А.* Урбанистическая проблематика в диссертациях социологов // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 125—131. doi: 10.31857/S013216250008330-6.
12. *Амин Э., Трифт Н.* Города: переосмысляя городское. Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. 224 с.
13. *Marguin S.* Architecture and sociology: A sociogenesis of interdisciplinary referencing // Forum Qualitative Sozialforschung. 2021. Vol. 22. Iss. 3. doi: 10.17169/fqs-22.3.3802.
14. *Prenner C. G.* Finding the city in sociology: Broadening and deepening the geographic scope of the urban and inequality literatures // Sociology Compass. 2020. Vol. 14. Iss. 2. doi: 10.1111/soc4.12756.
15. *Garrido M., Ren X., Weinstein L.* Toward a global urban sociology: Keywords // City and Community. 2021. Vol. 20. Iss. 1. Pp. 4—12. doi: 10.1111/cico.12502.

16. Patel S. Rethinking urban studies today // *Sociological Bulletin*. 2018. Vol. 67. Iss. 1. Pp. 1—19.
17. Вагин В. В. Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия // *Российское городское пространство: попытка осмысления* / отв. ред. В. В. Вагин. М., 2000. С. 4—12.
18. Osejo R. E., Kosta E. B., Mann A. Centering small cities for urban sociology in the 21st century // *City and Community*. 2020. Vol. 19. Iss. 1. Pp. 3—15. doi: 10.1111/cico.12484.
19. Димке Д. В., Корюхина И. Ю. Поселок городского типа: временные ритмы деурбанизированного сообщества. *Социология власти*. 2013. № 3. С. 73—93.
20. Machimura T. A search for new urban narratives in the era of globalization // *International Sociology*. 2021. Vol. 36. Iss. 2. Pp. 278—288. doi: 10.1177/02685809211005371.
21. Castells M. Urban sociology in the twenty-first century // *Cidades, Comunidades e Territórios*. 2002. Vol. 5. Pp. 9—19.
22. Парк Р. Э. Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // *Социологическое обозрение*. 2006. Т. 5. № 1. С. 11—18.
23. Kjellberg S. *Urban ecotology*. International Books, 2000.
24. Терборн Й. Города власти. Город, нация, народ, глобальность. М.: ЛитРес, 2021.
25. Клеман К., Гладырев Б., Мирясова О. *Городские движения России в 2009—2012 годах*. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
26. Медведев И. Р. *Разрешение городских конфликтов*. М.: Инфотропик Медиа, 2017.
27. Busquet G. La sociología urbana francesa y la evolución de las políticas urbanas de los años 1960 a los años 1980: porosidades, impermeabilidades o afinidades electivas? // *Empiria. Revista de metodología de las ciencias sociales*. 2014. Vol. 27. Pp. 121—136.

REFERENCES

1. Giddens A. A. *Contemporary Critique of Historical Materialism. Vol. 1. Power, Property and the State*. London, Macmillan, 1981.
2. Conte J. A. Citation Classics in Urban Sociology: Mapping the Intellectual Evolution of a Research Specialty. *Behavioral & Social Sciences Librarian*, 2017, vol. 36, no. 3, pp. 136—158
3. Strelnikova A. V. *Sotsiologiya goroda: prostranstvennyye praktiki i zhiznennyye traektorii* [Sociology of the city: spatial practices and life trajectories]. Moscow, Trovant Publ., 2012. 232 p.
4. Perry B., Harding A. The future of urban sociology: report of joint sessions of the British and American Sociological Associations. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2002, vol. 26, no. 4, pp. 844—853.
5. Short J. R. *Urban theory: A critical assessment*. Macmillan International Higher Education, 2014.
6. Trubina E. G. *Gorod v teorii* [City in theory]. Moscow, New Literary Review Publ., 2011. 502 p.
7. Levebvre H. *Writings on Cities*. Oxford, Basil Blackwell, 1996.
8. Brednikova O., Zaporozhets O. (eds.). *Mikrourbanizm. Gorod v detalyakh* [Microurbanism. City in detail]. Moscow, New Literary Review Publ., 2015.
9. Wu C. Moving from Urban Sociology to the Sociology of the City. *The American Sociologist*, 2016, vol. 47, no. 1, pp. 102—114.
10. Gottdiener M., Hohle R., King C. *The new urban sociology*. Routledge, 2019.
11. Popov E. A., Zamjatina O. N., Voronina S. A. [Urban Issues in the Sociologists' Dissertations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no 1, pp. 125—131.

12. Amin E., Trift N. *Goroda: pereosmyslyaya gorodskoe* [Cities: Rethinking the Urban]. Nizhny Novgorod, Krasnaya lastochka Publ., 2017. 224 p.
13. Marguin S. Architecture and sociology: A sociogenesis of interdisciplinary referencing. *Forum Qualitative Sozialforschung*, 2021, vol. 22, no. 3. doi: 10.17169/fqs-22.3.3802.
14. Prener C. G. Finding the city in sociology: Broadening and deepening the geographic scope of the urban and inequality literatures. *Sociology Compass*. 2020, vol. 14, no. 2. doi: 10.1111/soc4.12756.
15. Garrido M., Ren X., Weinstein L. Toward a global urban sociology. *Keywords. City and Community*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 4—12. doi: 10.1111/cico.12502.
16. Patel S. Rethinking urban studies today. *Sociological Bulletin*. 2018, vol. 67, no. 1, pp. 1—19.
17. Vagin V.V. [Russian cities: new approaches to the study. Instead of a preface]. In: Vagin V. V. (ed.). *Rossiiskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya* [Russian urban space: an attempt to comprehend]. Moscow, 2000. Pp. 4—12.
18. Ocejo R. E., Kosta E. B., Mann A. Centering small cities for urban sociology in the 21st century. *City and Community*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 3—15. doi: 10.1111/cico.12484.
19. Dimke D. V., Koryukhina I. Yu. [Urban-type settlement: temporary rhythms of a de-urbanized community]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], 2013, no. 3, pp. 73—93.
20. Machimura T. A search for new urban narratives in the era of globalization. *International Sociology*, 2021, vol. 36, no. 2, pp. 278—288. doi: 10.1177/02685809211005371.
21. Castells M. Urban sociology in the twenty-first century. *Cidades, Comunidades e Territórios*, 2002, vol. 5, pp. 9—19.
22. Park R. E. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. In: Park R. E. *Human Communities. The City and Human Ecology*. Glencoe, Ill.: The Free Press, 1952. Pp. 165—177.
23. Kjellberg S. *Urban ecotheology*. International Books, 2000.
24. Therborn G. *Cities of Power. The Urban, the National, the Popular, the Global*.
25. Clement K., Gladyshev B., Miryasova O. *Gorodskie dvizheniya Rossii v 2009—2012 godakh* [Urban movements of Russia in the 2009—2012 years]. Moscow, New Literary Review Publ., 2013.
26. Medvedev I. R. *Razreshenie gorodskikh konfliktov* [Resolution of urban conflicts]. Moscow, Infotropic Media, 2017.
27. Busquet G. La sociología urbana francesa y la evolución de las políticas urbanas de los años 1960 a los años 1980: porosidades, impermeabilidades o afinidades electivas? *Empiria. Revista de metodología de las ciencias sociales*, 2014, vol. 27, pp. 121—136.

© Карчагин Е. В., 2021

Поступила в декабре 2021

Received in December 2021

Ссылка для цитирования: Карчагин Е. В. Социология города и современные городские исследования // Социология города. 2021. № 4. С. 6—14.

For citation: Karchagin E. V. [Urban sociology and contemporary urban studies]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 4, pp. 6—14.

УДК 316.4

А. Л. Стризов

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДА:
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ПОДХОДОВ**

В статье предлагается вариант методологической систематизации возможных направлений социологических исследований современного города, основанный на единстве цивилизационного, социокультурного и формационного анализа. Техницистская версия цивилизационного подхода позволяет рассмотреть город как центр технологических и социальных инноваций, арену конфликта социальных сообществ, связанных с различными технологиями и организационными формами их использования. Особое внимание уделено процессам деградации городской среды. Социокультурный подход рассмотрен на примерах описания городского пространства как текста культуры и использования идеи мультикультурализма. Показаны возможности модификации формационного подхода к исследованию организации городского пространства и управления им.

Ключевые слова:

город,
цивилизационный подход,
деурбанизация,
социокультурный подход,
тексты культуры,
мультикультурализм,
формационный подход,
управление городом.

A. L. Strizov

**SOCIOLOGICAL URBAN
STUDIES:
AT THE CROSSROADS
OF METHODOLOGICAL
APPROACHES**

The article offers a version of methodological systematization of possible directions of sociological research of a contemporary city.

Введение

Тот факт, что исследование любого сложного социального объекта предполагает синтез разных ракурсов его рассмотрения, стало общепризнанным среди отечественных обществоведов. Сложнее обстоит дело с ответом на вопрос, каковы эти ракурсы, в чем их эвристическая ценность и инновационность. В современную эпоху теоретического плюрализма и методологической дополнителности ответ на подобного рода вопросы субъективен и связан с личным выбором исследователя. С другой стороны, такой выбор не может игнорировать общенаучные методологические принципы и сложившиеся традиции исследования в той или иной предметной области.

О возможных подходах к исследованию города в современной социологии высказываются различные мнения. Отмечается, что город можно изучать как в русле идущей от М. Вебера традиции анализа локализованных в нем социальных общностей и сообществ, так и с точки зрения рассмотрения городского пространства, реально или метафорически соотносимого с пространством физическим [1, с. 11]. Традиционный для социологии субъектный ракурс анализа дополняется сегодня натуралистически ориентированным дискурсом пространства, отражающим как «материальный поворот» в социологии, так и растущее число экономических и географических исследований городской среды. В то же время, как указывает Е. Н. Заборова, город представляет собой пространственную среду, «в которой концентрируются и проявляются результаты продвижения цивилизации» [1, с. 14]. Признавая, что современный город является предметом междисциплинарных исследований, социологи тяготеют к синтезу различных методологических традиций, традиционно противопоставляющих системно-структурный и субъектный анализ. Следствием этого является мнение о том, что наиболее перспективным в исследовании города является «системный антропологический подход» [2, с. 72]. Отражением динамизма городской среды и стремления описать ее социокультурные аспекты стала позиция Р. Ю. Порозова, полагающего, что не только визуальные, но и иные образы пространства городской жизни могут быть зафиксированы феноменологическим подходом [3, с. 53—57]. В том же социокультурном русле анализа городской среды

This version is based on the unity of civilizational, socio-cultural and formational analysis. The technicist version of the civilizational approach allows us to consider the city as a center of technological and social innovations, as an arena of conflict of social communities associated with various technologies and organizational forms of their use. Special attention is paid to the processes of degradation of the urban environment. The socio-cultural approach is considered on the basis of urban space as a text of culture and the idea of multiculturalism. The possibilities of modifying the formational approach to the study of the organization of urban space and its management are shown.

Key words:

city,
civilizational approach,
deurbanization,
socio-cultural approach,
texts of culture,
multiculturalism,
formational approach,
city management.

Об авторе:

Стризо Александр Леонидович –
д-р филос. наук, проф.,
проф. каф. социологии
и политологии,
Волгоградский государственный
университет (ВолГУ).
Российская Федерация, 400062,
г. Волгоград,
пр-т Университетский, 100

Strizoe Alexander Leonidovich –
Doctor of Philosophy, Professor,
Volgograd State University,
100, Universitetskiy Ave.,
Volgograd, 400062,
Russian Federation

находится и получающий все большее распространение в социально-гуманитарном знании семиотический подход [4, с. 33—35].

Как видим, существует диапазон мнений о методологически значимых и оптимальных векторах изучения городов. К тому же существуют еще и относительно малоизученные вопросы жизни городов и такие области урбанистики, в которых назрела потребность в новых, более глубоких исследованиях. Все это требует систематизации и взаимной связности актуальных сегодня теоретических подходов и направлений. При этом важно, чтобы методологические инновации не отрицали прежние традиции анализа, а дополняли и развивали их. С этой точки зрения наиболее удачной нам представляется неоклассическая методологическая традиция, утверждающая необходимость использования всех познавательных возможностей устоявшихся теоретических схем и моделей в сочетании с их пересмотром и обновлением.

В российской социальной философии хорошо разработана идея применения общенаучного принципа системности к исследованию социальных объектов и процессов. Однако такое применение не всегда просто и очевидно, как это может показаться. Идеи и положения системного видения реальности должны быть модифицированы и опосредованы, исходя, во-первых, из социальной специфики изучаемого объекта, а во-вторых, из его особенностей по сравнению с иными социальными феноменами. Лишь с учетом этого, по нашему мнению, можно использовать традиционные для системного анализа понятия структуры, функции, организации, системы и т. д. Если исходить из того, что специфика социальных систем раскрывается в ракурсах цивилизационного, социокультурного и формационного анализа, то в основе исследования современного города можно избрать именно эти философские подходы. В каждом из них город может быть рассмотрен в различных аспектах, часто дополняющих и обогащающих друг друга.

Цивилизационный подход:

город как центр социальных инноваций

Первый из них, цивилизационный, в версии современного техницизма подчеркивает системообразующее место города как социального центра инноваций на индустриальной и постиндустриальной

ступенях технологического развития. Как центр инноваций город концентрирует в себе материально-технический, экономический, социальный и культурный потенциалы общества, его разнообразные ресурсы. Он является также центром информационных и коммуникативных обменов социума XX—XXI вв., пространством, в котором креативное общение индивидов, групп и организаций создает новые технические и социальные формы и инициирует их внедрение.

Ускорение темпов социальных изменений в условиях информационно-коммуникативной революции сформировало у некоторых исследователей мнение о том, что современный пост-неклассический город существует в социальной среде, где «центр расплывается и накладывается на другие зоны», а на периферии появляются свои центры, которые могут генерировать новое [3, с. 29]. Действительно, сегодня происходит изменение отношений центра и периферии социального, в том числе и цивилизационного, пространства. Формируется иная модель отношений, приходящая на смену ресурсному подходу, доминировавшему в классических индустриальных обществах. Если город индустриального типа рассматривает среду как неиссякаемый источник человеческих, природных, сырьевых и иных материальных ресурсов, то город постиндустриального типа ориентирован на выстраивание с ней сети эффективных обменов и коммуникаций, поддержание балансов в разных сферах взаимодействия.

Представляется, что периферия может быть источником инноваций, но ее зависимость от урбанизированного центра в обозримой перспективе сохранится. Это связано с характером и уровнем современного разделения труда, с преимуществами и привлекательностью для людей городской социокультурной среды, с характером городской социальной организации, открывающей перед людьми большие горизонты возможностей. Современные эмпирические исследования миграции горожан в сельскую местность дают различные подтверждения тому, что во вновь создаваемой мигрантами «гибридной» поселенческой среде сохраняются связи с городом. Местное экологичное и культурно аутентично сельское производство городских мигрантов существует только благодаря продажам в мегаполисе. Мигранты переносят в деревню городские практики коммерциализации значимых образцов поведения, а также ритцеровские принципы «макдональдизации» образа жизни. В целом городская культура выступает источником развития потенциала периферии [5, с. 66—68]. Все это позволяет согласиться с мнением о том, что ведущая роль города в поселенческой структуре и технологическом развитии сохранится, но формы ее проявления будут изменяться по мере изменения общества и человека.

Специфика современных городов как центров инновационного развития заключается в том, что в них в разной мере сочетаются социальные формы индустриального, постиндустриального, а иногда и доиндустриального общества. Это делает их социальную структуру и пространство активности ее субъектов неоднородными, порождает технологические, социальные и управленческие конфликты, придающие жизни города напряженность и динамизм. Структурная неоднородность города проявляет себя в различных режимах нормативного регулирования и внешней открытости городских сообществ, что затрудняет становление и развитие системы универсальных коммуникаций,

информационных обменов и социальной мобильности, в большей или меньшей мере сдерживает распространение социальных инноваций.

Противоречивость цивилизационного развития часто порождает социальную напряженность и аномию, дисфункции городских структур, вызывающие эскапистские настроения, стремления к бегству из среды больших городов. В социологии эти тенденции квалифицируются как дезурбанизация, которая фиксируется лишь в количественных проявлениях и «имеет два измерения: (а) разрастание пригородной зоны поселений и (б) обратная миграция в сельские районы как осознанный решительный выбор» [6, с. 62]. Однако стихийные миграционные процессы в сочетании с ошибками в экономической политике и управлении могут продуцировать реверсивные процессы, приводить к деградации городской инфраструктуры и образа жизни горожан. Социальными последствиями здесь выступают маргинализация широких социальных слоев — носителей городской культуры и системы ценностей, люмпенизация и криминализация значительной части населения. Подобные тенденции мы предлагаем называть деурбанизацией, подчеркивая деструктивную направленность качественных изменений городской среды. Примитивизируя цивилизационную среду городов и деформируя присущий им образ жизни и заменяя его полудеревенским, «слободским», деурбанизация делает невозможными осуществление городами своих инновационных функций — быть центром и проводником современных технологий, форм и моделей управления, ценностей профессиональной культуры и творческой деятельности. Российская деурбанизация может изучаться как реакция на стихийно развивающуюся урбанизацию, как одно из проявлений рурализации; как антропогенный риск, следствие избранной модели рыночной трансформации; как феномен культуры. Это требует дополнить цивилизационный подход к исследованию города иными подходами, адекватными характеру исследовательской задачи.

Будучи центром цивилизационного развития, город является источником управленческих воздействий на всю совокупность субъектов и процессов, протекающих в обществе. Доминирование физической и вертикально ориентированной социальной мобильности индустриальной эпохи в постиндустриальную эпоху сменяется векторами движения к единому информационному пространству и сетевому характеру организации социальных связей и изменений. В современном городе формируются также иные оптики видения реальности и связанные с ними формы и тактики управления. Вертикальные оптики и траектории властвующих и подвластных все больше дополняются пространствами всеобщей информационной открытости с горизонтальными, диалогически ориентированными траекториями коммуникации и механизмами управления.

В цивилизационном подходе анализ города как центра управления приобретает комплексный характер, неразрывно связывается с исследованием социальных сторон и последствий технологических изменений. Пространство города здесь рассматривается как пространство локализации и самореализации социальных слоев, органически связанных с технологическим прогрессом, что подчеркивает значимость удовлетворения их интересов и запросов, а также важность создания среды, благоприятной для их воспроизводства и развития. Попадая в городское поле инновационных влияний, другие социальные слои в большей или меньшей мере адаптируются к новым социальным практикам и условиям жизни, меняют свой облик, образ и стиль жизни.

Важным моментом цивилизационного подхода является то, что город выступает в нем как центр универсального пространства коммуникаций, обладающий особым статусом и значением. Отсюда вытекает возможность использования различных направлений и версий коммуникативного анализа социальных взаимодействий, институтов и процессов. Инструментально-технологический взгляд на пространство городских коммуникаций позволяет также использовать социально-психологические концепции и теории, а также идеи современной теории управления. Широкое понимание современных технологий как совокупности инженерных, информационных, социальных и когнитивных алгоритмов организации человеческой деятельности ориентирует исследователей на моделирование ее ближайших и отдаленных последствий, а также связанных с ними рисков и неопределенностей. Такое моделирование выступает как предпосылка использования конструктивистских теоретических подходов к разработке технологий современного производства и городского управления. Концепция «общества риска» и ее конкретно научные экспликации существенно расширяют предметное поле городских исследований. Тем самым они приобретают широкий, междисциплинарный характер.

Социокультурный подход: город как пространство символов и коммуникаций

Объективистские издержки цивилизационно-технологического дискурса проблемного поля городских исследований стимулировали на рубеже XX—XXI вв. дополнение его субъектно-центрированным социокультурным подходом. В отечественной социологии речь чаще всего шла о выделении городской культуры как важнейшего сегмента современного культурного ландшафта. Далее речь традиционно идет о сегментации пространства городской культуры и анализе субкультурных особенностей и функций того или иного сегмента или пространства в целом [7, с. 196—205]. Содержание этих сегментов могло быть описано с разных позиций. Во-первых, с позиции теории деятельности, как соотношение традиций и новаций. Во-вторых, с аксиологических позиций, как пространства ценностных ориентаций разнообразных носителей культуры. И в-третьих, с позиций знаково-символического подхода, описывающего топологию значимых мест и состояние социально-исторической памяти. В контексте этого открывалась возможность декодировать знаково-символическое пространство города при помощи герменевтических приемов и концепций.

Как было отмечено, различные версии использования социокультурного подхода фокусируются на субъектах городской культуры, их ориентациях и горизонтах деятельности, на выборе вариантов культурного творчества и освоения знаково-символического пространства города, их ценностного и нормативного обоснования. Результаты этой культуросозидающей деятельности могут быть представлены в текстовой форме, как целостное знаково-символическое единство, выражающее локальную культурную специфику и формирующее городскую идентичность. Корпус текстов городской культуры, включающий в себя не только письменные, но и аудиальные, визуальные, архитектурно-пространственные тексты, дает нам представление о всем многообразии факторов, конструирующих городскую идентичность.

Эвристическая ценность текстовой репрезентации городской культуры определяется ее местом в иерархии культурных феноменов. Тесно переплетаясь с региональной, городская культура является составной частью мезоуровня

социокультурного целого. Его специфика, как отмечают исследователи, заключается в открытости «в обе стороны», когда мезоуровневые структуры «организуют работу микроуровня, но при этом последствия этой организации распространяются на макроуровень» [8]. Связующая роль мезоуровня социокультурной организации подтверждается и в ходе эмпирических исследований территориальной идентичности, когда именно мезопараметры городской среды обеспечивают «баланс „общего“ и „своего“, открывая наиболее надежную перспективу социального сравнения», преломляя «объективные условия существования — город как целое, а также субъективное благополучие», индивидуальные условия жизни [9]. Тем самым идентификационные конструкты проникают в городскую повседневность, укореняются на микроуровне социального бытия, соотнося его с жизнью всего общества.

Для конкретных социологических исследований города методологически значимы также попытки определить особенности конструирования городской социокультурной реальности, а также особенности текстов городской культуры [1, с. 30—32; 3, с. 17—19]. Двигаясь в этом русле, можно указать на следующие ориентиры. Во-первых, поскольку локальное, в том числе городское, пространство «подчиняет» себе время локальной истории, когда факты, сюжеты и смыслы прошлого ценны и значимы лишь в контексте современных проблем, волнующих жителей, локальные тексты строятся по принципу топонима. Образы прошлого и память о нем конструируются сегодня при помощи языка современной культуры, встраиваясь в актуальную повестку дня. Во-вторых, значимость пространства городской культуры раскрывается в ходе того, как ее тексты создают уникальные пространственные образы и композиции, упорядочивают и организуют культурное пространство, связывая прошлое и настоящее. В-третьих, в процессе конструирования текстов городской культуры возникают риски, связанные с тем, что, переструктурируя пространство, изменяя его организацию в соответствии с потребностями времени, создатели текстов оказываются в плену конъюнктурных увлечений и сиюминутных веяний моды и создают вербальные и визуальные образы, символика и стилистика которых порывает с традициями города, устойчивыми смыслами и ассоциациями значительной части его жителей. В-четвертых, текст городской культуры конструируется не только в целях выражения и сохранения культурной идентичности, но и как послание в будущее, как некое сообщение, выражающее определенный социальный опыт и обращенное к настоящим и будущим поколениям. В этом смысле текст городской культуры ориентирован на некоторую сверхзадачу и превращается в метатекст. В идеале он выполняет программирующую функцию, манифестирует новые перспективы развития, мобилизует энергию творчества, мотивирует созидательную активность. Такое понимание места и роли текстов городской культуры базируется на методологической позиции, согласно которой тексты и дискурсы выходят за пределы их узкого, сугубо лингвистического понимания, а язык, как и социальная жизнь, выполняют общую, текстовую функцию [10].

Сегментированность и неоднородность социокультурного пространства современного города часто описывается как проявление мультикультурности. Конкретно социологические исследования городской межкультурной коммуникации предполагают тот или иной, чаще всего романтически идеализиро-

ванный, взгляд на саму культуру и межкультурное взаимодействие, подчеркивающий их гуманность, органическую связь с нравственными идеалами и эстетическим совершенством. Между тем в любой культуре присутствуют конструктивные и деструктивные, интегрирующие и дезинтегрирующие факторы, питающие как культурную открытость, способность к культурной адаптации и интеграции, так и иммунитет к внешним заимствованиям, изоляционизм, ксенофобию, которые в кризисных ситуациях продуцируют социокультурные конфликты. Для социологических и социально-антропологических исследований городской культуры, которая формируется в разнородном, предельно насыщенном коммуникацией, многовекторном городском пространстве, методологически важна позиция А. Я. Флиера, подчеркивающего, что позитивные ориентации и ценности культуры являются «не исходными, а производными ее характеристиками. Культура, прежде всего, нормативна, а „положительна“ она лишь в идеальном своем воплощении» [11, 12].

Можно указать на ряд универсальных черт любой культуры, которые проявлены в повседневных социальных практиках, а значит, наблюдаемы социологически. Среди них — последовательное разделение реальности на «свое» и «чужое» при предпочтении первого и неприятии второго; почтение к традициям и недоверие к инновациям; стремление к селекции лучшего, к достижению совершенного, допускающее дискриминацию и даже насилие по отношению к тем, кто маркирован как не соответствующий идеалу совершенства и является объектом отбора или «исправления». С этих позиций очевидна несостоятельность в значительной мере мифологизированных представлений о неограниченной интегрирующей силе традиционных культурных центров и безусловной привлекательности связанных с ними ценностей и образа жизни, об их способности к полной ассимиляции мигрантов и их субкультуры, к созданию гомогенного культурного пространства больших городов и урбанизированных территорий.

Реальный мультикультурализм, формирующийся прежде всего в пространстве больших городов, в противоположность его идеологическим схемам, предполагает признание культурными меньшинствами приоритета традиционного для коренного населения базового культурного консенсуса, а также готовности к диалогу в случае, если та или иная культурная конвенция ставится под вопрос или вызывает неприятие. Такой мультикультурализм не предполагает навязывания культурными меньшинствами всему обществу, особенно в публичной сфере, своих императивов сознания и поведения. Эти императивы могут свободно реализовываться лишь в локальных пространствах культурной автономии и пространствах частной жизни. Отсюда вытекает тезис о том, что масштабы культурного консенсуса не могут быть расширены линейно-механически, а тем более на основе произвола и директивных решений.

Исследования городских текстов и мультикультурного пространства города выявляют все многообразие форм и способов, при помощи которых человек использует достижения цивилизации. Постановка подобного вопроса в современном социокультурном контексте обращает исследователя к ситуациям выбора субъектов городской жизни, которые возникают в процессе технологического и культурного творчества, поиска оптимальных форм организации городской среды. Классические социологические темы и сюжеты, связанные с изучением форм и особенностей социализации различных поколений жителей

города, получают при этом новое прочтение. Они включают в себя поиски ответа на вопрос о том, при каких условиях современный горожанин способен к адекватному ситуации, ответственному и гуманистически ориентированному выбору, каковы могут быть его мотивы, стимулы и ограничения.

Изучение ситуаций выбора, придающих городским социокультурным процессам определенный вектор, неразрывно связано с существенным ускорением социальных изменений и возникающими при этом рисками. С одной стороны, это риски неудачной или затянувшейся адаптации к динамичной городской среде не только отдельных личностей, но и целых сообществ. С другой стороны, это риски социального протеста тех, кто ждет и требует перемен, а также тех, кто заинтересован в корректировке вектора трансформаций городской среды. В итоге исследователи городского пространства сталкиваются с классической, но тем не менее не теряющей своей актуальности проблемой синхронности цивилизационных и социокультурных трансформаций, порождающей в нем многообразную напряженность и неустойчивость.

Еще одним измерением взаимодействия цивилизационного и социокультурного в городской среде является проблема мобильности. «Материальный» поворот в современной социологии сместил фокус исследования с классического сюжета о вертикальной и горизонтальной социальной мобильности городского населения к исследованию его физических перемещений. Однако эти перемещения не могут быть оторваны от исполнения их носителями социальных ролей, сохранения или изменения их социальных статусов. К тому же возросшие требования к физической мобильности в современном городе предполагают наличие развитой и гибко функционирующей инфраструктуры, создание и поддержание которой порождает комплекс социальных проблем. В то же время социальные роли и статусы не могут быть реализованы вне определенного пространства физической мобильности. При этом социокультурные факторы (традиции, привычки, стереотипы, ценности) оказывают существенное влияние на процессы как физической, так и социальной мобильности.

Формационный подход: город как форма организации социальной жизни

Если очевидность цивилизационного и социокультурного анализа современного города никем не оспаривается, то с формационным подходом дело обстоит сложнее. Его односторонняя и в значительной мере идеологизированная интерпретация в духе экономического детерминизма сегодня не может удовлетворить исследователя. Попытка рассмотреть город сквозь призму формационного анализа больших интервалов исторического времени больше тяготеет к философским теоретическим моделям, чем к эмпирическим социологическим исследованиям. Все это ставит вопросы о необходимости изменить акценты в трактовке методологической позиции, предложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Идея системообразующей роли в жизни общества экономической сферы и функционирующего в ней способа производства материальных благ [13, с. 7], как было отмечено еще Ю. К. Плетниковым, предполагает особое внимание исследователей к материальным общественным отношениям [14, 15]. Сегодня к ним можно отнести не только экономические, но также экологические и демографические отношения (отношения воспроизводства человеческого рода), в которых приспособление к сложившимся условиям, к материальной

данности бытия предшествует их теоретическому осознанию и конструированию. Отсюда следует, что фундамент жизни современного города должен рассматриваться как органическое единство определенной организации производства работ, товаров и услуг, отношений с природой (воспроизводство антропогенной городской среды), а также воспроизводства не только рабочей силы, но и всего демографически многообразного поселенческого сообщества. В этом случае предметом исследования оказывается не привычная для социологии социальная система, а система «гибридного» типа, в которой социальное сочетается с физическим и биологическим. В такой системе формируется специфическое проблемное поле, которое нельзя сводить к механической сумме традиционно понимаемых социальных, экологических и демографических проблем современных городов. Представляется, что это проблемное поле возникает в процессе глубоко взаимного проникновения и взаимного влияния социального, технического, географического и биологического факторов, требующих междисциплинарных подходов и корректировки сложившихся методов исследования.

Формационный подход к обществу рассматривает его с точки зрения организации общественного производства в широком смысле слова. Сегодня мы можем говорить, наряду с материальным производством, о производстве вещей, человека и социальных общностей, идей, теорий и художественных форм, управленческих решений. Концентрируя в себе разнообразные формы человеческой деятельности и ресурсы общества, город является центром организации общественного производства и управления им. Признавая это, современные исследователи констатируют роль города в организации жизни всего общества [3, с. 38], особенности организации городского пространства [1, с. 28], сложность городской организации [16, с. 429], но, как правило, на этом и останавливаются.

Традиционно организацию городского образа жизни противопоставляют сельскому, связывая с гораздо меньшей ролью природно-климатических циклов, высокой интенсивностью и универсальностью деятельности, особой системой ценностей. Вопрос об особенностях организации жизни современных городов и управления ими требует более глубоких и комплексных исследований. Определенные возможности для этого дает формационный подход к обществу, подчеркивающий роль качественных факторов в организации общественного производства. Эта роль определяется не только известным тезисом о том, что дело заключается не в том, что производится, а в том, как именно производится, какими средствами труда [17, с. 191]. Представляя собой способ соединения рабочей силы и средств производства [18, с. 43—44], способ производства предполагает специфическую систему мотивов и стимулов деятельности. В современном городе такая система мотивов и стимулов выходит за узко утилитарные границы, включает в себя идеи самоорганизации и самоуправления, создание условий не только для во многом формализованного, демократического гражданского участия в управлении, но и для выбора форм и сфер активности и творческого самовыражения личности. В этой связи нельзя не обратить внимание на тот факт, что концепт «мягкой силы» как комплексного, опосредованного и культурно ориентированного управленческого воздействия на людей, получивший распространение в исследованиях мировой политики и международных отношений, может быть использован в теории и

практике управления городским пространством. Затянувшиеся поиски оптимальной модели муниципального управления в российских городах, неудачный опыт реформирования организации и управления сложными системами городского здравоохранения и высшего образования, другими элементами городской инфраструктуры показывают, насколько сложны и многогранны объекты и технологии такого управления [19, 20].

Заключение

Обозначенные нами социально-философские подходы к изучению проблем современных городов и связанные с ними теоретические конструкты позволяют, на наш взгляд, соединить натуралистически ориентированные и культуроцентристские программы исследования, дополнить инструментально-технологический анализ, утилитарный взгляд на городскую среду видением экзистенциально значимых ценностей и смыслов. Цивилизационный, социокультурный и формационный ракурсы городских исследований могут послужить системой методологических координат, позволяющей обеспечить преемственность созданного ранее интеллектуального потенциала и новых теорий современного обществознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Социальное пространство современного города / под ред. Г. Б. Коробкова, А. В. Меренкова. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. 252 с.
2. Туркина В. Г., Вербина О. В., Антонова Е. Л. Город как предмет междисциплинарных исследований // *Juvenis Scientia*. 2018. № 10. С. 69—72. doi: 10.32415/jscientia.2018.10.15.
3. Порозов Р. Ю. Культурно-образовательное пространство города. Екатеринбург, 2016. 174 с.
4. Анисимов Н. О. Город в дискурсе семиотики // *Juvenis Scientia*. Философские и социологические науки. 2018. № 12. С. 33—35. doi: 10.32415/jscientia.2018.12.09.
5. Макианчикова А. Ю., Никишин Е. А., Попов Д. С. Внегородские локальности: гибридизация «сельского» и «городского» в процессе миграции горожан в сельскую местность // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 61—70. doi: 10.31857/S013216250007751-9.
6. Нефедова Т. Г., Покровский Н. Е., Трейвиш А. И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 60—69. URL: <http://sosis.isras.ru/article.html?id=5868>.
7. Гаврилина Т. О. Социокультурное пространство города: структура, функции // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 2(59). С. 196—205. doi: 10.26105/SSPU.2019.59.2.026.
8. Кузьмина М. А. Мезоанализ — междисциплинарная методология социальных и гуманитарных исследований // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 27—36. doi: 10.31857/S013216250009297-9.
9. Казакова А. Ю. Субъективное качество жилищных условий и территориальная идентичность горожан (на материале опроса жителей МО «г. Калуга») // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 62—87. doi: 10.19181/socjour.2017.23.1.5002.
10. Фомин И. В., Ильин М. В. Социальная семиотика: траектории интеграции социологического и семиотического знания // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 123—141. URL: [https://mgimo.ru/upload/iblock/f48/6822-12701-1-PB%20\(1\).pdf](https://mgimo.ru/upload/iblock/f48/6822-12701-1-PB%20(1).pdf).

11. Флиер А. Я. Происхождение культуры: новая концепция культурогенеза // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/
12. Флиер А. Я. Культурные основания насилия // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 19—25. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-osnovaniya-nasiliya>.
13. Маркс К. К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 13. 771 с.
14. Плетников Ю. К. О природе социальной формы движения. М.: МГУ, 1971. С. 7—54.
15. Марксистско-ленинская теория исторического процесса. Исторический процесс: действительность, материальная основа, первичное и вторичное / Ю. К. Плетников, Ю. И. Семёнов, Б. Т. Григорьян и др. М.: Наука, 1981. 463 с.
16. Халаева Л. А. Цивилизационный процесс и развитие город // Вестник МГСУ. 2011. № 4. С. 428—431. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnye-protsessy-i-razvitie-goroda-1>.
17. Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. 649 с.
18. Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 24. 649 с.
19. Дятлов А. В., Ковалёв В. В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении Юга России // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 66—77. doi: 10.31857/S013216250012814-8.
20. Кузнецова А. И. Новые подходы к перестройке систем управления инфраструктурой и жилищно-коммунальным хозяйством города // Транспортное дело в России. 2014. № 2. С. 76—78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-perestroyke-sistem-upravleniya-infrastrukturoy-i-zhilischno-kommunalnym-hozyaystvom-goroda>.

REFERENCES

1. Korobkov G. B., Merenkov A. V. (eds.) *Sotsial'noe prostranstvo sovremennogo goroda* [Social space of a modern city]. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 2015. 252 p.
2. Turkina V. G., Verbina O. V., Antonova E. L. [The city as a subject of interdisciplinary research]. *Juvenis Scientia*, 2018, no. 10, pp. 69—72. doi: 10.32415/jscientia.2018.10.15.
3. Porozov R. Yu. *Kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo goroda* [Cultural and educational space of the city]. Yekaterinburg, 2016. 174 p.
4. Anisimov N. O. [City in discourse of semiotics]. *Juvenis Scientia*, 2018, no. 12, pp. 33—35. doi: 10.32415/jscientia.2018.12.09.
5. Makshanchikova A. Yu., Nikishin E. A., Popov D. S. [Extra-urban Localities: Hybridization of 'Rural' and 'Urban' in the Process of Migration of Citizens to the Countryside]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2019, no. 12, pp. 61—70. doi: [10.31857/S013216250007751-9](https://doi.org/10.31857/S013216250007751-9).
6. Nefedova T. G., Pokrovsky N. Ye., Treivish A. L. Urbanization, desurbanization and rural-urban communities in the face of growing horizontal mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, no. 12, pp. 60—69. URL: <http://socis.isras.ru/article.html?id=5868>.
7. Gavrilina T.O. [Socio-cultural environment of the city: structure and functions]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Surgut State Pedagogical University Bulletin], 2019, no. 2, pp. 196—205. doi: 10.26105/SSPU.2019.59.2.026.

8. Kuzmina M.A. [Mesoanalysis as an Interdisciplinary Methodology in Social and Humanitarian Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2020, no. 8, pp. 27—36. doi: [10.31857/S013216250009297-9](https://doi.org/10.31857/S013216250009297-9).
9. Kazakova A. Y. [Subjective housing quality and citizens' territorial identity (based on a survey of residents of the city of Kaluga)]. *Sotsiologicheskiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2017, vol. 23, no. 1, pp. 62—87. doi: [10.19181/socjour.2017.23.1.5002](https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.1.5002).
10. Fomin I. V., Ilyin M. V. Social Semiotics: Paths towards Integrating Social and Semiotic Knowledge. *Sotsiologicheskiy Zhurnal* [Sociological Journal], 2019, vol. 25, no. 4, pp. 123—141. doi: [10.19181/socjour.2019.25.4.6822](https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6822).
11. Flier A. Ia. [The Origin of Culture: A New Conception of Cultural Genesis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [IKnowledge. Understanding. Skill], 2012, no. 4. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Flier_The-Origin-of-Culture/
12. Flier A. Ia. [The cultural foundations of violence]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [IKnowledge. Understanding. Skill], 2012, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-osnovaniya-nasiliya>.
13. Marx K. [Towards a Critique of Political Economy. Foreword]. In: K. Marx, F. Engels. *Works*. 2nd ed. Moscow, 1960. Vol. 13. 771 p.
14. Pletnikov Yu. K. *O prirode sotsial'noi formy dvizheniya* [On the nature of the social form of movement]. Moscow, Moscow State University Publ., 1971. Pp. 7—54.
15. Pletnikov Yu. K., Semyonov Yu. I., Grigoryan B. T. et al. *Marksistsko-leninskaya teoriya istoricheskogo protsessa. Istoricheskii protsess: deistvitel'nost', material'naya osnova, pervichnoe i vtorichnoe* [Marxist-Leninist theory of the historical process. Historical process: reality, material basis, primary and secondary]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 463 p.
16. Halaeva L.A. [Civilizational processes and the development of the city]. *Vestnik MGSU* [Monthly Journal on Construction and Architecture], 2011, no. 4, pp. 428—431. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnye-protsessy-i-razvitiye-goroda-1>.
17. Marx K. [The Capital. Vol. 2]. In: Marx, F. Engels. *Works*. 2nd ed. Moscow, 1960. Vol. 23. P. 82.
18. Marx K. [The Capital. Vol. 2]. In: Marx, F. Engels. *Works*. 2nd ed. Moscow, 1961. Vol. 24. Pp. 127, 130.
19. Dyatlov A. V., Kovalev V. V. [Transformation of the City Management Institute in the Municipal Administration of the Russian South]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 2021, no. 3, pp. 66—77. doi: [10.31857/S013216250012814-8](https://doi.org/10.31857/S013216250012814-8).
20. Kuznetsova A. I. [New approaches to the restructuring of infrastructure management systems and housing and communal services of the city]. *Transportnoe delo v Rossii* [Transport Business in Russia], 2014, no. 2, pp. 76—78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-perestroyke-sistem-upravleniya-infrastrukturoy-i-zhilischno-kommunalnym-hozyaystvom-goroda>.

© Стризое А. Л., 2021

Поступила в ноябре 2021

Received in November 2021

Ссылка для цитирования: Стризое А. Л. Социологические исследования города: на перекрестке методологических подходов // Социология города. 2021. № 4. С. 15—26.

For citation: Strizoe A. L. [Sociological urban studies: at the crossroads of methodological approaches]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 4, pp. 15—26.

УДК 72.021.4

Введение*С. В. Корниенко***БИОМИМЕТИКА:
ИДЕИ, ВОДОХВОЛЕННЫЕ
ПРИРОДОЙ**

В фокусе данной статьи – проблема развития концепции кинетической архитектуры на основе принципов биомиметики. Показано, что морфологический подход в биомиметике позволяет создать высокую адаптируемость архитектурного объекта к условиям окружающей среды посредством применения динамических оболочек, имеющих сложную форму, с применением новейших композиционных материалов. Сотрудничество биологов, архитекторов и инженеров позволит разработать научно обоснованные решения умных, экологически безопасных, безуглеродных, биопозитивных, энергоэффективных, ресурсосберегающих зданий для развития устойчивой архитектуры.

Ключевые слова:

здание, биомиметика, кинетический фасад, морфологический подход, окружающая среда, моделирование.

*S. V. Kornienko***BIOMIMETICS: IDEAS
INSPIRED BY NATURE**

The focus of this article is the issue of kinetic architecture concept development based on the principles of biomimetics. It has been shown that the morphological approach in biomimetics allows creating high adaptability of architectural object to environmental conditions by using dynamic building envelope and new composite materials. The collaboration of biologists, architects and engineers will make it possible to develop scientifically solutions for smart, environmentally safe, carbon-free, biopositive, energy-efficient, resource-saving buildings to development of sustainable architecture.

Устойчивая архитектура должна удовлетворять потребности нынешних поколений без ущерба для будущих поколений [1]. Она также должна быть интегрирована в природную и социальную среду [2]. Важнейшей задачей развития устойчивой архитектуры является энергосбережение в зданиях [3–5]. Значительная часть энергии потребляется зданиями в развитых и развивающихся странах. Например, около 40 % всей первичной энергии в Европе потребляется в строительном секторе сегодня, и более 50 % этой энергии идет на отопление помещений зимой и охлаждение летом [6].

Повышение энергоэффективности зданий может быть достигнуто путем реализации пассивных или активных стратегий. Совершенствование элементов оболочки здания относится к пассивным стратегиям, в то время как повышение эффективности систем отопления, вентиляции, кондиционирования воздуха, электрического освещения и т. д. может быть отнесено к активным стратегиям. В последние годы возрос интерес к благоприятным для окружающей среды пассивным стратегиям повышения энергоэффективности зданий [7]. Эта идея охватывает различные вопросы, касающиеся эффективного использования энергии, воды, земли, улучшения теплового и светового комфорта в помещениях, а также повышения качества внутреннего воздуха и окружающей среды.

Оболочка здания представляет собой замкнутый теплозащитный контур, разделяющий внутреннюю и наружную среды. Это ключевой фактор, контролирующий внутренние условия вне зависимости от изменения внешних параметров. Архитекторы и инженеры стремятся создать прочную, долговечную и эстетически осмысленную оболочку здания, максимально адаптированную к изменениям окружающей среды [8, 9]. Для достижения этой цели необходим поиск новых строительных материалов, технологий и методов архитектурного проектирования [10–13].

Решение этих задач подсказано природой.

Социальная значимость биомиметической архитектуры

Термин «биомиметика» предложил в конце 1960-х гг. американский биофизик Отто Шмитт, внесший значительный вклад в развитие методов и

Key words:
building,
biomimetics,
kinetic facade,
morphological approach,
environment,
simulation.

Об авторе:

Корниенко Сергей Валерьевич —
д-р техн. наук,
зав. каф.
архитектуры зданий
и сооружений,
Волгоградский
государственный
технический университет
(ВолГТУ).
Российская Федерация,
400074, г. Волгоград,
ул. Академическая, 1;
skorn73@mail.ru

Kornienko Sergei Valer'evich —
Doctor of Engineering Sciences,
Head of Architecture of Buildings
and Constructions Department,
Volgograd State Technical
University (VSTU).
1, Akademicheskaya St.,
Volgograd, 400074,
Russian Federation;
skorn73@mail.ru

технических средств биомедицинских исследований. Биомиметика — междисциплинарная наука, базирующаяся на тесном сотрудничестве специалистов разных научных дисциплин (биологов, физиков, архитекторов, инженеров и др.) с целью решения практических задач посредством изучения биологических объектов и систем, построения на их основе моделей, а также применения этих моделей для создания нового продукта.

Большой общественный интерес к биомиметике зданий обусловлен тремя основными аспектами.

Во-первых, это снижение углеродного следа. Углеродный след представляет собой совокупность всех выбросов парниковых газов, включая диоксид углерода (CO₂) и метан (CH₄). Парниковые газы могут выбрасываться при сжигании органического топлива, производстве строительных материалов, изделий и конструкций, эксплуатации зданий и др. Снижение углеродного следа является одной из самых важных задач современности, решение которой позволит приблизиться к приемлемому уровню антропогенного воздействия на биосферу, способствовать смягчению последствий изменения климата. Парижское соглашение (2015 г.) предписывает необходимость удерживать уровень концентрации парниковых газов в атмосфере, не допускающий повышения средней температуры на планете выше 2 °С. Внедрение возобновляемых источников энергии, применение биооптимизированных технологий озеленения крыш и фасадов зданий, строительство крышных теплиц и оранжерей, посадка деревьев в городских районах способствуют существенному снижению выбросов парниковых газов в атмосферу.

Второй аспект связан со строительством зданий с нулевым (или близким к нулевому) потреблением энергии. Такие здания практически не используют ископаемое топливо и получают необходимую энергию из возобновляемых источников. Здания с нулевым энергопотреблением строят по следующим принципам: применение компактных оболочек, подобно панцирному строению морского ежа *Echinus esculentus*; улучшение теплотехнических характеристик ограждающих конструкций; уменьшение необходимости в искусственном охлаждении помещений; обеспечение высокоэффективными системами управления микроклиматом помещений, в том числе естественного освещения; обеспечение возобновляемыми источниками энергии солнца, ветра и др.

В результате применения комплекса энергосберегающих мероприятий принципиально можно создать здание, обладающее высокой энергоэффективностью, способное на месте вырабатывать энергию из возобновляемых источников и потреблять ее в равном количестве в течение года.

Третий аспект обусловлен необходимостью реновации зданий. При реновации, как правило, улучшают характеристики зданий и их инженерных систем. Важно подчеркнуть эффективность биомиметического подхода при реновации. Так, современным трендом в строительстве является применение гибридных систем в виде фотоэлектрических модулей и озелененных поверхностей крыш. Фотоэлектрические модули предназначены для выработки электрической энергии, а озелененные поверхности смягчают тепловое воздействие крыши на окружающую среду, улучшая характеристики фотоэлектрических модулей. При этом частичное затенение озелененных поверхностей крыши PV-панелями позволяет уменьшить воздействие солнца и снизить скорость испарения влаги, что улучшает тепловлажностный режим крыши. В гибридных системах могут быть использованы серые стоки для полива растений. Серые стоки обычно богаты питательными веществами, поэтому снижается потребность в удобрении озелененной крыши. Применение гибридных систем на основе идей, вдохновленных природой, позволит в будущем создать более устойчивые, биопозитивные и энергоэффективные здания.

Биомиметика и кинетическая архитектура

В. И. Вернадский отмечал тесную взаимосвязь человека и окружающей среды, утверждая, что «человечество, как живое вещество, неразрывно связано с материально-энергетическими процессами определенной геологической оболочки земли — с ее биосферой» [14]. Разумное управление ресурсами, уважительное отношение к природе позволит создать ноосферу, т. е. биосферу, разумно управляемую обществом.

Традиционный взгляд на город как систему тысячелетних неизменяемых форм сегодня является сомнительным. Возрастает потребность в развитии концепции кинетической архитектуры [15, 16]. В основу кинетической архитектуры положены принципы биомиметики — прикладной науки, вдохновленной природой.

Согласно концепции кинетической архитектуры части здания могут изменяться относительно друг друга, не нарушая общую целостность структуры. Способность здания к движению используется главным образом для адаптации к быстро меняющимся условиям окружающей среды, повышает эстетические качества здания и выполняет функции, которые невозможны для статической структуры. Зачатки кинетической архитектуры, например в виде разводных мостов, можно видеть еще до Средневековья и даже раньше. В начале XX в. архитекторы начали широко обсуждать возможность перемещения значительной части сооружения. Однако только в конце XX в. появилась возможность практической реализации идей кинетической архитектуры благодаря достижениям в механике, электронике, робототехнике.

Одним из первых прототипов кинетической архитектуры, по-видимому, можно считать башню Татлина. Это монументальное сооружение, посвященное Третьему интернационалу (1919—1920 гг.), к сожалению, не было постро-

ено. Основной формой башни была сдвоенная спираль высотой 400 м. К каркасу сооружения были подвешены крупные геометрические структуры, которые должны были вращаться с разной скоростью.

Другим прототипом кинетической архитектуры стал памятник Христофору Колумбу по проекту К. Мельникова (1929 г.). Уже за 80 лет до Д. Фишера русский архитектор предложил создать динамичную архитектуру. В своих работах Мельников выдвигал множество различных инновационных конструктивных решений. Проект памятника представлял композицию из двух конусов. Вращение верхнего конуса должно было осуществляться с помощью крыльев, подобно крыльям бабочки, под воздействием ветра. Крылья были предназначены для обеспечения устойчивости всей конструкции. Поворот крыльев, окрашенных в разные цвета, изменял не только пространственную композицию, но и цветовое решение памятника. В нижнем неподвижном конусе предполагалось размещение небольшого зала со статуей Колумба. Поток воды, падающий на это помещение из верхнего конуса, можно было регулировать вращением крыльев. Они в определенном положении передавали воду на турбину, которая разворачивала статую под разными углами.

В 1929—1935 гг. итальянским инженером А. Инверницци недалеко от Вероны была построена вилла «Подсолнух». Название здания связано с тем, что оно вращается за солнцем, как и подсолнух [15].

В указанных выше проектах были использованы основные формы существования материи: движение, время, пространство.

В 1933 г. в Ленинграде вышла книга Я. Чернихова «Архитектурные фантазии», в которой были представлены различные идеи кинетической архитектуры, в том числе перемещение всего здания.

В течение первых нескольких десятилетий XX в. кинетическая архитектура была почти полностью теоретической, но к 40-м гг. прошлого века Р. Б. Фуллер и другие архитекторы-новаторы предприняли попытки практического воплощения идей кинетической архитектуры. Позже в книге «Архитектурная бионика» Ю. Лебедев показал связь природы и архитектуры и развил научное направление биомиметики. В 1970 г. инженер-архитектор У. Зук опубликовал книгу «Кинетическая архитектура», которая помогла вдохновить новое поколение архитекторов на проектирование кинетических зданий. Благодаря новым концепциям, таким как тенсегрити Фуллера, и разработкам в области робототехники кинетические здания с 1980-х гг. становятся все более распространенными во всем мире.

К началу XXI в. сложилось четыре основных направления в кинетической архитектуре: 1) разводные мосты для прохода высоких судов, стадионы с трансформирующимися покрытиями, павильоны; 2) трансформация всего здания; 3) кинетические фасады; 4) возобновляемые источники энергии, интегрированные в здания.

Сегодня эти направления активно развиваются.

Биомиметика и морфологический подход

Исследование биологических объектов необходимо для поиска наиболее совершенных строительных технологий. Важно понимать механизмы регуляции процессов жизнедеятельности организмов. Одним из основных подходов

в биомиметике является морфологический подход [17], суть которого заключается в изучении формы и строения организмов, веществ (животных, растений, почвы). Такой подход отражает современную направленность работ и позволяет создать высокую адаптируемость архитектурного объекта к условиям окружающей среды посредством применения динамических оболочек, имеющих сложную форму, с применением новейших композиционных материалов (рис. 1).

Рис. 1. *Qizhang Forest Sports City Centre с динамическим выдвижным покрытием в Шанхае, Китай [17]: а – биологический аналог (магнолия); б – конечный продукт (сооружение)*

Интеграция сложной формы и умного материала позволяет создать интеллектуальную, адаптивную, инновационную систему для строительства. Как показано в [17], такая система наиболее хорошо изучена применительно к процессам терморегуляции и дневного света.

В биологии терморегуляция — это способность живых организмов поддерживать температуру тела в определенных границах, даже если температура внешней среды значительно отличается. Применение принципа терморегуляции в архитектуре позволяет создать комфортные условия в помещении за счет регулирования тепловых, воздушных и влажностных потоков через оболочку в различные периоды года [18].

Ярким примером архитектурного решения, вдохновленного природой, являются парные башни-небоскребы Аль-Бахр, построенные в Дубае, ОАЭ (рис. 2). Биологическим аналогом такого решения может служить кактус [15]. Известно, что кактусы хорошо адаптированы к окружающей среде. Они бережно потребляют воду, а продольные ребра кактуса являются своеобразными затеняющими элементами и спасают растение от перегрева в сильную жару.

Основной задачей архитекторов было обеспечить прохладу в офисных помещениях в летнюю жару без использования множества кондиционеров. Для этого был создан гигантский экранирующий фасад из множества подвижных элементов, подобно зонтикам оригами, которые раскрываются и закрываются в течение дня в зависимости от положения Солнца на небосводе. Подобная «кожа» закрывает практически всю площадь стен, кроме северной стороны. При этом подвижные элементы не только на 50 % сокращают поступление теплоты в здания, но и обеспечивают их вентиляцию, а также уменьшают потребность в искусственном освещении [17].

Классическим примером регулирования дневного света в зданиях является Институт арабского мира в Париже. Юго-западный фасад этого здания

представляет собой прямоугольную навесную стеклянную стену. За стеклянной стеной расположен металлический экран с движущимися лепестками (солнечными диафрагмами). Лепестки автоматически открываются и закрываются (подобно тому, как зрачок реагирует на свет), чтобы контролировать количество света (и тепловой энергии), поступающего в здание от солнечного излучения. Такой «перфорированный» экран создает яркий декоративный эффект, часто используемый в исламской архитектуре с биоклиматическими стратегиями (рис. 3).

а

б

Рис. 2. Кактус (*а*) и адаптивная фасадная система Al Vahr Towers в Дубае, ОАЭ (*б*)

а

б

Рис. 3. Arab World Institute в Париже: *а* – общий вид; *б* – фрагмент кинетической фасадной системы

Применение традиционных конструктивных решений и инженерных систем приводит к росту потребления энергии, что может в ближайшем будущем создать дефицит ископаемых видов топлива. Регулирование тепловых и световых потоков позволяет повысить уровень тепловой защиты и энергосбережения в зданиях. Например, применение биодинамического двойного фасада позволяет повысить энергоэффективность здания до 70 % [8]. В той же работе показано, что регулирование климатических воздействий имеет большой потенциал экономии энергии в офисных зданиях (20—30 %), а кинетические фотозащитные элементы слежения за Солнцем производят на 30—40 % больше энергии по сравнению с аналогичными системами.

В соответствии с принципом биомиметики форма как бы следует за окружающей средой, подобно клеточным стенкам растений, обеспечивая при этом возможность в динамике контролировать потоки тепловой энергии и дневного света за счет применения кинетических фасадов.

В безуглеродном (или малоуглеродном) здании количество потребляемой энергии резко уменьшается за счет выбора наилучшей формы здания, высокоэффективной теплоизоляции оболочки, рекуперации тепловой энергии, применения естественной вентиляции, солнцезащиты, широкого использования возобновляемых источников энергии, внедрения современных цифровых технологий. В таких зданиях сбалансированное сочетание пассивных и активных стратегий позволяет обеспечить высокий уровень теплового и визуального комфорта при минимальном энергопотреблении в различных климатических условиях.

Биомиметика — творческий метод архитектора

Биомиметика является современным научно обоснованным творческим методом архитектора. Согласно требованиям международного стандарта ISO 18458:2015 «Biomimetics — Terminology, concepts and methodology» существуют два основных методологических подхода к процессу создания конечного продукта: «технологическая тяга» (technology pull) и «биологический толчок» (biology push).

«Технологическая тяга» — процесс создания конечного продукта, в котором существующий продукт обеспечивается, как правило, улучшенными функциями за счет применения биомиметических принципов.

«Биологический толчок» — процесс создания конечного продукта, в котором знания, полученные в результате фундаментальных исследований в области биомиметики, используются в качестве отправной точки при разработке новых продуктов.

Конечным продуктом могут быть: здание, часть здания, оболочка, часть оболочки, элемент оболочки.

Взаимосвязь вышеуказанных процессов отражена на рис. 4.

Рассмотрим подробнее основные этапы этих процессов.

Первым этапом в процессе «технологическая тяга» является поиск биологических аналогов. Это могут быть объекты живой и неживой природы, различные типологии заимствования которых (форма, функция, конструкция, материал, процесс) являются приоритетными и будут использованы для улучшения функций конечного продукта. Отправной точкой процесса «биологический толчок» служит подробное изучение биомеханических, функциональных и морфологических признаков биологического объекта, однако конечная цель иная — разработка нового продукта.

Второй этап является общим для рассматриваемых процессов — изучение новых свойств живых организмов, необходимых для улучшения существующего или создания нового конечного продукта. На этом этапе производится анализ выделенных типологий заимствования, на основании которого определяется возможность применения указанных типологий в конечном продукте.

Третий этап посвящен обобщению биологических принципов и разработке модели конечного продукта.

В качестве примера приведем модель гетерогенной структуры фасада, разработанную архитектором М. Пирсом [19] по результатам измерений температуры в термитниках (рис. 5). Эта модель представляет собой ячеистую структуру, выступающие элементы которой не только могут защитить помещения от солнца днем, но и увеличивают площадь внешней поверхности для повышения теплоотдачи ночью. Указанная модель реализована на объекте Eastgate Building Harare [19]. Подобные модели можно строить и применительно к жилой застройке для смягчения эффекта «тепловых островов» [20].

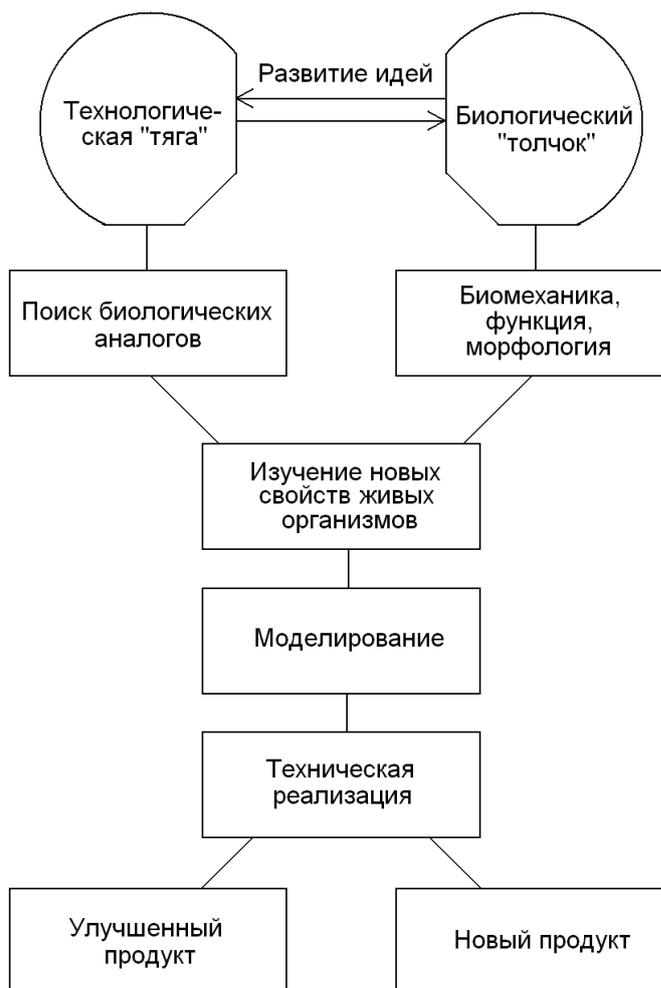

Рис. 4. Взаимосвязь процессов «технологическая тяга» и «биологический толчок»

Важнейшим средством современного научного исследования является параметрическое моделирование. Оно необходимо в архитектурном проектировании для многофакторного анализа и оптимизации сложных нелинейных процессов. Использование средств параметрического моделирования является эффективным способом создания концепции многофункционального архитектурного объекта на ранних этапах проектирования. При этом мульти-

дисциплинарный подход позволяет создать сложные адаптивные системы, которые характеризуются способностью динамично реагировать на различные изменения окружающей среды.

Рис. 5. Измерение температуры термитных курганов (слева) и модель гетерогенной структуры фасада (справа) [19]

В основу параметрического моделирования положены метаэвристические методы оптимизации, в частности многоцелевые алгоритмы. Алгоритм представляет собой определенный набор команд для достижения поставленной цели. После ввода исходных данных по заданному набору команд выполняется ряд вычислительных процедур, на основании которых формируются выходные данные.

На четвертом этапе выполняется техническая реализация модели конечного продукта.

Процессы «технологическая тяга» и «биологический толчок» тесно взаимосвязаны и направлены на поиск новых идей.

Сотрудничество биологов, архитекторов и инженеров позволит разработать научно обоснованные решения умных, экологически безопасных, безуглеродных, биооптимизированных, энергоэффективных, ресурсосберегающих зданий для развития устойчивой архитектуры.

Выводы

Показан большой общественный интерес к биомиметике зданий, обусловленный тремя основными аспектами: снижением углеродного следа, строительством зданий с нулевым потреблением энергии, необходимостью реновации зданий.

Отмечается, что традиционный взгляд на город как систему тысячелетних неизменяемых форм сегодня является сомнительным. Возрастает потребность в развитии концепции кинетической архитектуры на основе принципов биомиметики — прикладной науки, вдохновленной природой.

Показано, что применение морфологического подхода в биомиметике позволяет создать высокую адаптируемость архитектурного объекта к условиям окружающей среды посредством применения динамических оболочек, имеющих сложную форму, с применением новейших композиционных материалов.

Биомиметика является творческим методом архитектора. Сотрудничество биологов, архитекторов и инженеров позволит разработать научно обоснованные решения экологически безопасных, безуглеродных, биопозитивных, энергоэффективных, ресурсосберегающих зданий для развития устойчивой архитектуры.

Автор выражает искреннюю благодарность проф. Б. А. Навроцкому за ценные рекомендации при обсуждении материала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Aging, living environment, and sustainability: What should be taken into account? / I. Grazuleviciute-Vileniske, L. Seduikyte, A. Teixeira-Gomes, A. Mendes, A. Borodinecs, D. Buzinskaite // Sustainability (Switzerland). 2020. No. 12(5). Pp. 1—12. doi: 10.3390/su12051853.
2. Корниенко С. В. Жилище в умном городе. Взгляд инженера-архитектора // Социология города. 2020. № 1. С. 5—15. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_1_2020.pdf.
3. Табуницков Ю. А. Умные безуглеродные города и здания с нулевым энергопотреблением // АВОК. 2016. № 8. С. 4—8. URL: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=6535.
4. Горшков А. С., Дерунов Д. В., Завгородний В. В. Технология и организация строительства здания с нулевым потреблением энергии // Строительство уникальных зданий и сооружений. 2013. № 3(8). С. 12—23. URL: [https://unistroy.spbstu.ru/userfiles/files/2013/3\(8\)/2_gorshkov_derunov_zavgorodnij_08.pdf](https://unistroy.spbstu.ru/userfiles/files/2013/3(8)/2_gorshkov_derunov_zavgorodnij_08.pdf).
5. Горшков А. С., Немова Д. В., Рымкевич П. П. Экономим или нет? Российские энергосберегающие требования // Энергосбережение. 2014. № 2. С. 26—32. URL: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=5773.
6. Vilnitis M., Lapsa V. A., Veinbergs A. Sustainable construction success indicators // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. 2019. No. 660(1). doi: 10.1088/1757-899X/660/1/012041.
7. Sadineni S. B., Madala S., Boehm R. F. Passive building energy savings: A review of building envelope components // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2011. No. 15(8). Pp. 3617—3631. doi: 10.1016/j.rser.2011.07.014.
8. Chan A. L. S., Chow T. T., Fong K. F., Lin Z. Investigation on energy performance of double skin façade in Hong Kong // Energy and Buildings. 2009. No. 41(11). Pp. 1135—1142. doi: 10.1016/j.enbuild.2009.05.012.
9. Park B., Srubar W. V., Krarti M. Energy performance analysis of variable thermal resistance envelopes in residential buildings // Energy and Buildings. 2015. No. 103. Pp. 317—325. doi: 10.1016/j.enbuild.2015.06.061.
10. Faruk O., Bledzki A. K., Fink H., Sain M. Progress in Polymer Science Biocomposites reinforced with natural fibers: 2000—2010 // Progress in Polymer Science. 2012. No. 37(11). Pp. 1552—1596. doi: 10.1016/j.progpolymsci.2012.04.003.
11. Gaujena B., Agapovs V., Borodinecs A., Strelets K. Analysis of thermal parameters of hemp fiber insulation // Energies. 2020. No. 13(23). Pp. 1—14. doi: 10.3390/en13236385.
12. Shams A., Horstmann M., Hegger J. Experimental investigations on textile-reinforced concrete (TRC) sandwich sections // Composite Structures. 2014. No. 118(1). Pp. 643—653. doi: 10.1016/j.compstruct.2014.07.056.
13. Building energy performance analysis of ultra-high-performance fiber-reinforced concrete (UHP-FRC) façade systems / B. Abedinangerabi, S. M. Shahandashti, B. Bell, S. H. Chao, A. Makhmalbaf // Energy and Buildings. 2018. No. 174. Pp. 262—275. doi: 10.1016/j.enbuild.2018.06.027.

14. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2008. 576 с.
15. Korniyenko S. V. Progressive Trend in Adaptive Façade System Technology. A Review // *AlfaBuild*. 2021. No. 1902. doi: 10.34910/ALF.19.2.
16. Салех М., Ульянова Е., Шилкин Н. Кинетические фасадные системы для адаптации к климатическим особенностям местности // *Здания высоких технологий*. 2018. № 4. С. 44—49. URL: <https://docplayer.com/162449248-Kineticheskie-fasadnye-sistemy.html>.
17. A morphological approach for kinetic façade design process to improve visual and thermal comfort: Review / S. M. Hosseini, M. Mohammadi, A. Rosemann, T. Schröder, J. Lichtenberg // *Building and Environment*. 2019. No. 153. Pp. 186—204. doi: 10.1016/j.buildenv.2019.02.040.
18. Design processes and multi-regulation of biomimetic building skins: A comparative analysis / E. Cruz, T. Hubert, G. Chancoco, O. Naim, N. Chayaamor-Heil, R. Cornette, L. Badarnah, K. Raskin, F. Aujard // *Energy and Buildings*. 2021. No. 246. Pp. 111034. doi: 10.1016/j.enbuild.2021.111034.
19. Pearce M. Eastgate Building Harare. URL: <http://www.mickpearce.com/Eastgate.html>.
20. Korniyenko S. V., Dikareva E. A. Generation, Development, and Mitigation of the Urban Heat Island: A Review // *AlfaBuild*. 2021. No. 1605. doi: 10.34910/ALF.16.5.

REFERENCES

1. Grazuleviciute-Vileniske I., Seduikyte L., Teixeira-Gomes A., Mendes A., Borodinecs A., Buzinskaite D. Aging, living environment, and sustainability: What should be taken into account? *Sustainability (Switzerland)*, 2020, vol. 12, no. 5, pp. 1—12. doi: 10.3390/su12051853.
2. Korniyenko S.V. [A dwelling in the smart city. A point of view of the architect specialized in civil engineering]. *Sotsiologiya goroda [Sociology of City]*, 2020, no. 1, pp. 5—15. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_1_2020.pdf.
3. Tabunschikov Yu. A. [Smart carbon-free buildings and zero energy buildings]. *AVOK*, 2016, no. 8, pp. 4—8. URL: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=6535.
4. Gorshkov A. S., Derunov D. V., Zavgorodnij V. V. [Technology and organization of the building with zero energy consumption]. *Stroitel'stvo unikal'nykh zdanii i sooruzhenii [Construction of Unique Buildings and Structures]*, 2013, no. 3(8), pp. 12—23. URL: [https://unistroy.spbstu.ru/userfiles/files/2013/3\(8\)/2_gorshkov_derunov_zavgorodnij_08.pdf](https://unistroy.spbstu.ru/userfiles/files/2013/3(8)/2_gorshkov_derunov_zavgorodnij_08.pdf).
5. Gorshkov A. S., Nemova D. V., Rymkevich P. P. [Are we saving or not? Russian energy saving requirements]. *Energoberezhnie [Energy Saving]*, 2014, no. 2, pp. 26—32. URL: https://www.abok.ru/for_spec/articles.php?nid=5773.
6. Vilnitis M., Lapsa V. A., Veinbergs A. Sustainable construction success indicators. *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering*, 2019, no. 660. doi: 10.1088/1757-899X/660/1/012041.
7. Sadineni S. B., Madala S., Boehm R. F. Passive building energy savings: A review of building envelope components. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*, 2011, no. 15(8), pp. 3617—3631. doi: 10.1016/j.rser.2011.07.014.
8. Chan A. L. S., Chow T. T., Fong K. F., Lin Z. Investigation on energy performance of double skin façade in Hong Kong. *Energy and Buildings*, 2009, no. 41(11), pp. 1135—1142. doi: 10.1016/j.enbuild.2009.05.012.
9. Park B., Srubar W. V., Krarti M. Energy performance analysis of variable thermal resistance envelopes in residential buildings. *Energy and Buildings*, 2015, no. 103, pp. 317—325. doi: 10.1016/j.enbuild.2015.06.061.
10. Faruk O., Bledzki A. K., Fink H., Sain M. Progress in Polymer Science Biocomposites reinforced with natural fibers: 2000—2010. *Progress in Polymer Science*, 2012, no. 37(11), pp. 1552—1596. doi: 10.1016/j.progpolymsci.2012.04.003.

11. Gaujena B., Agapovs V., Borodinecs A., Strelets K. Analysis of thermal parameters of hemp fiber insulation. *Energies*, 2020, no. 13, pp. 1—14. doi: 10.3390/en13236385.
12. Shams A., Horstmann M., Hegger J. Experimental investigations on textile-reinforced concrete (TRC) sandwich sections. *Composite Structures*, 2014, no. 118(1), pp. 643—653. doi: 10.1016/j.compstruct.2014.07.056.
13. Abediniangerabi B., Shahandashti S. M., Bell B., Chao S. H., Makhmalbaf A. Building energy performance analysis of ultra-high-performance fiber-reinforced concrete (UHP-FRC) façade systems. *Energy and Buildings*, 2018, no. 174, pp. 262—275. doi: 10.1016/j.enbuild.2018.06.027.
14. Vernadsky V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow, Ayrisspress, 2008. 576 p.
15. Korniyenko S. V. Progressive Trend in Adaptive Façade System Technology. A Review. *AlfaBuild*, 2021, no. 1902. doi: 10.34910/ALF.19.2.
16. Salekh M., Ulyanova E., Shilkin N. [Kinetic facade systems for adaptation to climatic features of the area]. *Zdaniya vysokikh tekhnologii* [High technology buildings], 2018, no. 4, pp. 44—49. URL: <https://docplayer.com/162449248-Kineticheskie-fasadnye-sistemy.html>.
17. Hosseini S. M., Mohammadi M., Rosemann A., Schröder T., Lichtenberg J. A morphological approach for kinetic façade design process to improve visual and thermal comfort: Review. *Building and Environment*, 2019, no. 153, pp. 186—204. doi: 10.1016/j.buildenv.2019.02.040.
18. Cruz E., Hubert T., Chancoco G., Naim O., Chayaamor-Heil N., Cornette R., Badarnah L., Raskin K., Aujard F. Design processes and multi-regulation of biomimetic building skins: A comparative analysis. *Energy and Buildings*, 2021, no. 246. P. 111034. doi: 10.1016/j.enbuild.2021.111034.
19. Pearce M. Eastgate Building Harare. URL: <http://www.mickpearce.com/Eastgate.html>.
20. Korniyenko S. V., Dikareva E.A. Generation, Development, and Mitigation of the Urban Heat Island: A Review. *AlfaBuild*, 2021, no. 1605. doi: 10.34910/ALF.16.5.

© Корниенко С. В., 2021

Поступила в ноябре 2021

Received in November 2021

Ссылка для цитирования: Корниенко С. В. Биомиметика: идеи, вдохновленные природой // Социология города. 2021. № 4. С. 27—38.

For citation: Korniyenko S. V. [Biomimetics: ideas inspired by nature]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 4, pp. 27—38.

УДК 72.01:7.067

**Г. А. Птичникова,
О. А. Антофеева****АРХИТЕКТУРА И ГОРОД:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ
КИНЕМАТОГРАФ**

Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2021 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2021 г.

Исследование сложной пространственной природы современных городов в последнее время часто ведется методами смежных с архитектурой областей искусств. Одним из наиболее близко стоящих к архитектуре искусств является кинематограф. Потенциал воздействия архитектуры и кинематографа как двух близких визуальных видов искусства велик. Архитектура является важной составляющей для кинематографа в связи с необходимостью создания существующих реальных или вымышленных мест действия. В свою очередь кинематограф влияет на развитие архитектуры, определяя некоторые тренды ее развития. Изучение этих связей и явилось целью настоящей статьи.

Ключевые слова:
архитектура,
кинематограф,
визуализация культуры,
медиаархитектура.

**Г. А. Ptichnikova,
O. A. Antyufeeva****ARCHITECTURE AND CITY:
LOOKING THROUGH
CINEMA**

The study was carried out at the expense of the state program of the Russian Federation "Development of science and technology" for 2013–2021 in the framework of the plan of fundamental scientific research of the Ministry of Construction of Russia and RAASN for 2021.

Введение

Одним из наиболее близко стоящих к архитектуре искусством является кинематограф, который начиная с 1920-х гг. стал сначала исподволь, затем все плотнее и плотнее оказывать влияние на развитие архитектуры и изменение облика городов. По присущей ей абстрактности музыка исторически рассматривалась как вид искусства, наиболее близкий к архитектуре. Между тем кино даже ближе к архитектуре, чем музыка, не только из-за его временной и пространственной структуры, но и потому, что и архитектура, и кино одинаково четко размечают жизненное пространство. Эти две формы искусства создают и опосредуют всеобъемлющие образы жизни. Отмечая эту общность, выдающийся режиссер С. М. Эйзенштейн, получивший архитектурное образование, писал, что архитектура является предком кино [1].

Выделим несколько общих черт, которые объединяют такие визуальные искусства, как архитектура и кинематограф. Во-первых, отметим их общую синтетическую природу. Живопись, графика, скульптура, инженерия сплетаются в единое органичное образование в архитектуре и создают целостность композиционного замысла. В кинематографе к статичным видам искусства (архитектура, скульптура, живопись) добавилась еще и музыка, театральное действие (драма, сюжет), а также спецэффекты и компьютерная графика [2]. Во-вторых, общей чертой двух видов искусств является создание социокультурных образов, представляющих те или иные временные периоды [3]. Точно так же, как здания и города создают и сохраняют исторические образы культуры и определенного образа жизни, кино освещает культурный аспект как времени его создания, так и эпохи, которую он изображает. Обе формы искусства определяют размеры и сущность экзистенциального пространства, создают сцены жизненных ситуаций. В-третьих, отметим как общую характеристику пространственность кино и архитектуры. Пространство, как кинематографическое, так и архитектурное, представляет собой тонкий художественный баланс психологических и экспериментальных факторов [4]. Обе формы искусства определяют ситуации человеческого взаимодействия, рамки жизни и горизонты понимания нашего мира. Фильмы обладают беспрецедентной способностью влиять как на наши эмоции, так и на наши воспоминания так, как

Recently, the study of the complex spatial nature of modern cities has been carried out by methods of arts adjacent to architecture. One of the art most closely related to architecture is cinema. The potential impact of architecture and cinema as two closely related visual arts is great. Architecture is an important component of cinematography due to the need to create existing real or fictional locations. In turn, cinema influences the development of architecture, determining some of the trends in its development. The study of these connections was the purpose of this article.

Key words:
architecture,
cinema,
visualization of culture,
media architecture.

Об авторах:
Птичникова

*Галина Александровна —
д-р архитектуры, проф.,
чл.-кор. РААСН,
главный научный сотрудник
филиала ЦНИИП Минстроя РФ
«Научно-исследовательский
институт теории и истории
архитектуры
и градостроительства»;
проф. каф. урбанистики
и теории архитектуры,
Волгоградский государственный
технический университет
(ВолГТУ).
Российская Федерация, 400131,
г. Волгоград, ул. Академическая, 1;
ptichnikova_g@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-2629-4225,
Scopus ID: 6504749507*

*Ptichnikova
Galina Aleksandrovna—
Doctor of Architecture, Professor,
Corresponding Member of the Russian
Academy of Architecture
and Construction Sciences,
Chief Researcher of the Branch
of the Research Institute of the Theory
and History of Architecture and Town
Planning of the Russian Academy
of Architecture
and Construction Sciences
(NIITIAG RAASN);
Professor of Urban Development
and Theory of Architecture Department,
Volgograd State Technical University
(VSTU).
1, Akademicheskaya St., Volgograd,
400074, Russian Federation;
ptichnikova_g@mail.ru;
ORCID: 0000-0002-2629-4225,
Scopus ID: 6504749507*

это делают качественные архитектурные пространства. Архитектура никогда не сводилась только к стенам и составляющим ее колоннам, точно так же как фильм — это всегда больше, чем просто монтаж изображений на экране.

Архитектура в настоящее время находится под влиянием кинематографической культуры. Потенциал этого воздействия очень велик, но для его правильной реализации необходимо четкое представление о том, как взаимодействуют между собой эти два вида искусства [5]. Взгляд на архитектуру через кино позволяет увидеть ее в новом ракурсе. При всем обилии стереотипов кино вместе с тем является очень интересным источником информации, поскольку взгляд режиссера отличается от взгляда архитектора.

Таким образом, архитектура является важной составляющей кинематографа в связи с необходимостью создания существующих реальных или вымышленных мест действия. В свою очередь кинематограф влияет на развитие архитектуры, определяя некоторые тренды ее развития. Изучение этих связей и явилось **целью настоящей статьи**. Вопрос о кино и архитектуре недостаточно исследован и требует сегодня внимательного изучения с учетом современных реалий и более широкого понимания проблемы. Материалом для изучения стали фильмы зарубежного и отчасти отечественного кинематографа XX и XXI в., в которых архитектура и город становятся своего рода действующими персонажами. Для рассмотрения выбраны не все подобные картины, многие из которых относятся к жанру документального кино, а только художественные.

Архитектурные образы в кинематографе: формирование трендов архитектурного развития и имиджа города

Пожалуй, с самого начала рождения «фабрики грез» прослеживаются связи и взаимовлияния кино и архитектуры [6]. Сначала кино использовало уже готовые архитектурные образы. Развиваясь, молодой кинематограф использовал приемы и образы уже сформировавшихся визуальных искусств, в том числе архитектуры, вследствие чего кино приобрело свойственные только ему совокупность и многообразие выразительных средств. Излюбленными «героями» американских фильмов до сих пор являются небоскребы «Крайслер Билдинг» («Кейт и Лео», 2001; «Фрида», 2002; «Мстители: Война бесконечности», 2018 и др.) и «Эмпайр Стейт Билдинг» («Кинг

Антюфеева Ольга Алексеевна –
канд. архитектуры,
доц. каф. урбанистики
и теории архитектуры,
Волгоградский государственный
технический университет
(ВолГТУ),
Российская Федерация, 400074,
Волгоград, ул. Академическая, 1;
urbanistika_14@mail.ru

Antyufeeva Ol'ga Alekseevna –
Candidate of Architecture,
Docent of Urban Development and
Theory of Architecture Department,
Volgograd State Technical University
(VSTU),
1, Akademicheskaya st., Volgograd,
400074, Russian Federation;
urbanistika_14@mail.ru

Конг», 1933; «Неспящие в Сиэттле», 1993; «Эльф», 2003; «Небесный Капитан и мир будущего», 2004 и др.) в Нью-Йорке (рис. 1).

В отечественном кинематографе долгое время подобную роль играли «сталинские высотки» в Москве (главное здание МГУ на Воробьевых горах, гостиницы «Украина» и «Ленинградская», жилой дом на Котельнической набережной, Министерство иностранных дел, жилой дом на Кудринской площади, административно-жилое здание возле «Красных Ворот» («Я шагаю по Москве», 1963; «Москва слезам не верит», 1979; «Карнавал», 1981; «Покровские ворота», 1982; «Бригада», 2002; «Стиляги», 2008 и др.) (рис. 2).

Но прошло не так много времени и появились фильмы, ставшие источником вдохновения для архитектуры. Об этом говорят и сами архитекторы. Например, Жан Нувель на вопрос о методе своей работы над архитектурными проектами ответил, что кинообразы сильно повлияли на его творчество. В интервью по поводу вручения ему Прицкеровской премии 2008 г. Нувель так сказал об этом: «Кино очень важно для архитектуры, потому что оно создает новые отношения между временем и образами. Здание разрабатывается методом, напоминающим работу над фильмом, когда все время учитываются отношения между цветами, тенями, панорамными раскрытиями и видами города» [7].

Одним из первых фильмов, оказавших влияние на развитие архитектуры, стал фильм 1927 г. (периода немого кино) «Метрополис» немецкого режиссера Фрица Ланга. Это не только кинодокумент времен Веймарской республики. Фильм представляет собой и одну из первых в мировом кино фантазий о больших городах XX столетия. Действие в нем происходит на фоне некоего урбанизированного города будущего. Огромный футуристический город разделен на две части — верхний «рай» с садами, где обитают «хозяева жизни» — «мыслители», и подземный промышленный «ад» с жилищами рабочих, низведенных до положения придатков гигантских машин. Над городом высится небоскреб — современная Вавилонская башня как воплощение техницистского мира (рис. 3). Сценическая среда огромного города с гиперурбанизированной городской средой, многоуровневыми платформами, футуристическими архитектурными формами небоскребов до сих пор вызывает восхищение своими пророческими видениями

почти на столетие вперед. В этой связи стоит отметить, что отец Ланга был архитектором и работал в строительной компании, а сам Фриц в юности изучал архитектуру и инженерные науки в Вене. Архитектор Норман Фостер сказал, что фильмы, подобные «Метрополису», являются экспериментом, результаты которого стали источником вдохновения и пророчеством для современной архитектуры. Пространственная среда, созданная режиссером, явилась предвосхищением появления современных мегагородов [8].

«Неспящие в Сиэтле», 1993

«Машина времени», 2002

«Кинг Конг», 2005

«Эмпайр Стейт Билдинг», Нью-Йорк, 1932

Рис 1. Использование образа «Эмпайр Стейт Билдинг» в фильмах

Еще одним фильмом, который оказал влияние на развитие европейской архитектуры, стала лента «Облик грядущего» английского продюсера Александра Корда, поставленная по книге и сценарию Герберта Уэллса в 1936 г. В фильме идет речь о событиях в городе Эвритаун на протяжении целого столетия вплоть до 2036 г. Архитектурная среда и декорации этого фильма как будто спрогнозировали появление архитектуры американца Джона Портмена. Многие специалисты отмечают схожесть декораций фильма с его отелями, как будто материализовавшимися с экрана. В своей архитектуре Портмен использовал средства убеждения, свойственные декорациям кинематографического зрелища (рис. 4). Именно поэтому отели, построенные по проектам Портмена, в свою очередь стали местом действия ряда фильмов 1970–1980-х гг.

Влияние искусственной визуальной реальности кинематографа ощущается в современной архитектуре. В частности, отметим такие черты многих современных известных архитектурных объектов, как повышенная зрелищность, драматичность и даже мелодраматичность. Особенно отличаются в этом плане

работы британского архитектора Нормана Фостера. Его объекты, такие как здание Сити-холла, мост «Миллениум» или небоскреб «Мэри-Экс» («Огурец») в Лондоне, стали часто использоваться в фильмах. Это связано с тем, что кинематограф всегда чутко реагирует на генетически близкие ему по характеру архитектурные объекты. Действие фильмов «Основной инстинкт-2», «Наводнение» (список можно продолжить) происходит на фоне или в интерьерах фостеровских зданий (рис. 5).

«Карнавал», 1981

Главное здание МГУ, Москва, 1953

«Москва слезам не верит», 1979

Жилой дом на Кудринской площади, Москва, 1954

«Я шагаю по Москве», 1963

Жилой дом на Котельнической набережной, Москва, 1952

Рис. 2. Использование образов сталинских высоток в фильмах

Кроме влияния на архитектурные тренды кинематограф задал урбанистические контуры городов. Через фильмы массовая культура XX в. получила однозначно узнаваемый образ современного города, связанного с понятием скайлайна, под которым понимается контур или форма городской застройки, видимые около горизонта [9, 10]. Скайлайн создается общей структурой города и линией горизонта, формируя эстетическое отражение линии встречи неба со зданиями (сооружениями) и природным ландшафтом. Фильмы насыщены сложными пространственными действиями, площадкой для которых становятся

небоскребы, в которых герои действуют вопреки законам физики и существуют в пространстве городов, наполненных не привычными константами, но временными образно-художественными континуумами, составленными из череды высотных объектов. Одним из фильмов, которые стали предтечей формирования зрелищных скайлайнов с небоскребами, стал фильм «Время развлечений» (1967, режиссер Жак Тати). Построенный для фильма макет современного города, по сценарию Тативилия, олицетворял новую модель делового центра города, который только строился в Париже (район Дефанс).

Рис. 3. Декорации к фильму «Метрополис». Германия, 1927, реж. Фриц Ланг

а

б

Рис. 4. Влияние кинематографических образов на развитие архитектуры: *а* – эскиз к фильму «Облик грядущего». Англия, 1936. Худ. В. Корда; *б* – интерьер отеля Хьюэтт Редженсу (Hyatt Regency) в Атланте. Арх. Дж. Портмен, 1967

Рассматривая тему взаимовлияния кинематографа и архитектуры, невозможно не отметить и такой аспект, как формирование имиджа города средствами кинематографа. Например, благодаря фильмам в мировом масштабе Берлин имеет имидж современного города, Париж — города любви, Лондон — глобальной столицы и т. д. Здесь уместно вспомнить серию фильмов «Борн», в которой герой перемещается по самым известным городам Европы. Перечислим те города, которые наиболее запомнились по хронологии фильмов: Берлин, Мюнхен («Превосходство Борна»), Москва, Париж, Лондон, Турин («Ультиматум Борна»), Афины, Берлин («Джейсон Борн»). Эти фильмы позволили «отточить» и популяризировать имидж этих городов.

«Основной инстинкт-2», 2006

«Тор 2: Царство тьмы», 2013

Небоскреб «Мэри-Экс», г. Лондон, 2004

«Матч пойнт», 2005

Рис. 5. Использование образа небоскреба Нормана Фостера в фильмах

Такое влияние кинематографа отмечено многими специалистами. Например, известная американская исследовательница города С. Сассен подчеркивает, что в сегодняшнюю цифровую эпоху города получают имидж именно с помощью кино [11]. Финский теоретик архитектуры Ю. Палласмаа также говорит о том, что архитектурный имидж города создается благодаря специальным площадкам, показываемым в фильмах [12].

Вместе с тем уточним, что город может получить не совсем позитивный имидж благодаря фильмам. Так, например, в фильмах-катастрофах Голливуда чаще всего Нью-Йорк и его знаменитые небоскребы наиболее популярны для демонстрации зрелищных разрушений. На сегодняшний момент создано уже около 20 фильмов, в которых этот город трагически разрушен («Армагеддон», «Послезавтра», «День Независимости», «Планета обезьян» и др.). В целом тенденция, связанная с разрушением города, «докатилась» и до Москвы, и не только в зарубежных фильмах («Миссия невыполнима. Протокол Фантом», 2011; «Обитель зла: Возмездие», 2012 и др.), но и в отечественных («Дневной дозор», 2005; «Притяжение», 2017). В «Дневном дозоре», например, разрушения начинаются от Красной площади и охватывают другие достопримечательности: Останкинскую телебашню, которая переламывается и падает на землю, гостиницу «Космос» и ВДНХ.

Глобализация архитектурных образов и универсализация эстетических образцов

В эпоху глобализации архитектура становится визуальным медийным продуктом с определенными эстетическими характеристиками, которые распространяются по всему миру посредством широкого проката фильмов. Таким образом, «из ярких и запоминающихся экранных образов складывается художественный код времени, без расшифровки которого всякая попытка понять это время будет страдать очевидной неполнотой» [13]. Архитектура как медийный продукт поставляется с помощью визуальных СМИ и кинематографа, определяя общность эстетических вкусов современного общества. Осуществляется это часто через своего рода «пропаганду» зданий, получивших мировую известность, которые становятся «действующими лицами» в фильмах.

«Черная молния», 2009 (Башня «Запад»)

«ДухLess», 2012 (Башня на набережной)

«Легко ли быть молодым», 2015

Московский международный деловой центр «Москва-Сити», г. Москва, в процессе строительства

Рис. 6. Популяризация визуальных образов ММДЦ через кинематограф

Широкое распространение информации об определенных объектах архитектуры через фильмы формирует единство вкусов, оценок, восприятия. Особенно впечатляюще подобные режиссерские ходы в фильмах — бестселлерах современной компьютерной эпохи, где визуальные эффекты могут многократно усиливать впечатления от динамических передвижений и разрушений

конструкции. Наиболее яркий визуальный образ имеет небоскреб, который «стал одним из ярчайших символов универсализма, унифицированного будущего для всего человечества» [10]. Небоскребы, показанные в фильмах из широкого проката, получают мировую известность. К ним относятся, например, башни «Петронас» в фильме «Западня», небоскреб Бурж-Халифа в Дубае в фильме «Миссия невыполнима. Протокол Фантом» и др.

Популяризация образа высотного делового центра сити стала набирать оборот в нашей стране начиная со времени строительства (1996 г.) Московского международного делового центра «Москва-Сити» (ММДЦ «Москва-Сити»). До реализации этого грандиозного проекта американская модель делового центра, пространственное выражение которой заключается в концентрации десятков небоскребов на небольшом по площади «острове» в центральной части города, была чуждой отечественному градостроительству. Однако зрелищность урбанистической картины небоскребов Москва-Сити, образы которых вошли как эффектные декорации в многочисленные российские киноленты (рис. 6), стала примером и для региональных городов-центров нашей страны.

«Здания-иконы», принявшие на себя функцию главного визуального образа города XX в., принципиально отличного от облика европейского города XIX столетия или более давних эпох, получили широкое распространение по всему миру, стерев стилевые и пространственные границы национальной архитектуры разных стран. Наиболее известными зданиями-иконами являются два музея Гуггенхайма — в Нью-Йорке (США) и Бильбао (Испания). Образы этих произведений активно используются в современном кинематографе (рис. 7).

«Пингвины мистера Поппера», 2011

«Люди в черном», 1997

*Музей Гуггенхайма, 1959,
Нью-Йорк*

*Рис. 7. Использование образа музея
Гуггенхайма в Нью-Йорке в фильмах*

Возникновение «компьютерной эстетики» и «дигитального языка» проектирования с изощренным инструментарием форм, полижанровостью и полистилизмом. Наблюдается тенденция к универсализации языка «глобальной ар-

хитектуры». Архитектурная форма становится текучей, плазменной, изогнутой сразу в нескольких направлениях. Музей в Бильбао, построенный в 1998 г., стал тем зданием, которое определило стиль «глобальной архитектуры» (рис. 8). Эти «нелинейные» формы являются совершенно атектоничными, существующими вне законов гравитации, как бы парящими в безвоздушном пространстве [10].

«И целого мира мало», 1999

Музей Гуггенхейма, 1998, г. Бильбао

«Восхождение Юпитера», 2015

Рис. 8. Использование образа музея Гуггенхейма в Бильбао в фильмах

Еще одним примером сложных взаимовлияний архитектуры и кинематографической среды может быть здание страховой компании «Ллойд», построенное в 1986 г. архитектором Р. Роджерсом. Во многом это здание напоминает эстетику фильма «Бегущий по лезвию бритвы» режиссера Р. Скотта, снятого в 1981 г. Сияющий бесчисленными огнями и вместе с тем мрачный мегаполис Лос-Анджелес в этом фильме представляет собой синтетический сплав различных влияний (рис. 9).

Конструирование образов будущего

В результате взаимодействия кинематографии и архитектуры с середины XX в. родилось и стало активно развиваться в последние десятилетия явление, связанное с созданием киномиров в окружающей нас реальности, с конструированием реальности будущего. Футуристические образы переносятся в реальность через вымышленную архитектурную среду. В фильме Ридли Скотта «Бегущий по лезвию бритвы» (1981) был предсказан футуристический облик города будущего — города XXI века¹. Туманные урбанистические пейзажи с дигитальными экранами, возносящимися на всю высоту небоскребов и бесконечно транслирующими визуальные образы в городское пространство, — таким виделся кибермегаполис. Искусство в этой антиутопии полностью растворено в архитектуре, там не встречаются картины или скульптуры. Искусство

¹ Действие фильма происходит в 2019 г.

кибергорода сконцентрировано в архитектуре, есть только технологии, город и человек. В реальности XXI в. уже прощупываются контуры этого нового кибермира, предсказанного фильмом. Медиафасады, которые были рождены новыми информационными технологиями, развитием медиа и востребованностью визуальных зрелищ и развлечений в обществе, оказались новым средством связи между цифровым пространством, человеком, архитектурой и городскими пространствами. Никогда прежде не существовало такого взаимодействия между виртуальным и реальным физическим мирами. Если еще в 1990-е гг. виртуальный мир представлял собой индивидуальное взаимодействие, как в случае с персональным компьютером, то с развитием медиаархитектуры он стал доступен для коллективного взаимодействия и интегрируется в физический мир современных городов.

а

б

в

Рис. 9. *Использование единых визуальных образов в архитектуре (в) и в кинематографе (а, б)*

В фантастических блокбастерах пространства виртуальных современных городов уже просто живут полноценной художественной жизнью, формируя сюжет наравне с главными героями. В фильме Кристофера Нолана «Начало» (2010) разные миры имеют свои стилистически отличные воплощения, и герои перемещаются из одного уровня сознания в другой путем перехода в иной визуально-пространственный мир с невозможно выворачивающимися улицами и небоскребами. В фильме «Доктор Стрендж» (2016) улицы привычных мировых столиц выворачиваются и трансформируются в угоду перипетиям сюжета,

а узнаваемые небоскребы трансформируются в нечто совершенно неожиданное, придавая изначальным историям дополнительную красочность и яркость, а порой и разворачивая новые сюжетные линии [10].

Заключение

Киноиндустрия воздействует на общественное сознание в виртуальном пространстве кинофильмов, используя технологии вовлечения зрителей в драматургическое действие. С другой стороны, кинообразы материализуются в пространстве современных городов, доказывая физическую способность осуществления кинематографической действительности. В результате образы новой реальности остаются в эмоциональной памяти зрителей, подготавливая их к восприятию будущих архитектурных экспериментов с формой.

Кино и архитектура побуждают людей думать, что путь к художественному совершенству лежит в приближении все ближе и ближе к полной физической реальности. Существует неразрывная связь между созданием фильмов и развитием искусственной (городской и архитектурной) среды. В обоих случаях предлагается реальность, и остается воображение, чтобы заполнить пробелы. Фактическое восприятие архитектурного пространства внутри этого пространства во многом похоже на восприятие зрителем выбранной последовательности в фильме. Однако фильмы, создавая свои собственные миры, преувеличивают и изображают реальность шире, чем архитектура и жизнь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Эйзенштейн С. М.* Избранные произведения: в 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2. 566 с.
2. *Рыбин Н.* Архитектура в кинематографе // М² Журнал. URL: <https://m2-journal.ru/architektura/arkhitektura-v-kino>.
3. *Щербакова Е. И.* Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России — III. Пятнадцать лет спустя / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО XXI, 2011. С. 473—488.
4. *Erbay M.* Modern architecture and cinema: an assessment through iconic buildings // International Journal of Academic Research. 2013. Vol. 5. No. 5. Pp. 14—23.
5. *Ермолаева О. М.* Взаимовлияние архитектуры и кинематографа. URL: <http://olgunka1987.narod.ru/index/0-6>.
6. *Птичникова Г. А.* Архитектура как конструирование сказочной реальности: кинематограф, тематические парки и Диснейленды // Современная архитектура мира: Вып. 1 / отв. ред. Н. А. Коновалова. М.: Нестор-История, 2011. С. 89—108.
7. *O'Connor A.-M.* Jean Nouvel is awarded the 2008 Pritzker Architecture Prize // Los Angeles Times, 2008, March, 31.
8. Norman Foster: A reputation built to last // The Independent, Tuesday, 16 February 2010.
9. *Антюфеев А. В., Птичникова Г. А.* Массовое общество и массовая архитектура // Социология города. 2011. № 2. С. 3—10. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19122601>.
10. *Маевская М. Е.* Небоскребы в кинематографе XX и XXI веков. Идеи и образы // Современная культура мира. 2017. № 9. С. 179—206.
11. *Sassen S.* Reading The City in A Global Digital Age // Global Cities: Cinema, Architecture, and Urbanism in a Digital Age / L. Krause, P. Petro (eds.). New Jersey: Rutgers University Press, 2003. Pp. 15—30.

12. Pallasmaa J. *The Architecture of Image: Existential Space in Cinema*. Helsinki: Rakennustieto, 2007. 184 p.

13. Секиринский С. Кинематографичность истории, историзм кинематографа // История страны. История кино. М., 2004. С. 9.

REFERENCES

1. Eisenstein S. M. *Izbrannye proizvedeniya: v 6 t.* [Selected works: in 6 volumes]. Moscow, Art Publ., 1964. Vol. 2. 566 p.

2. Rybin N. [Architecture in cinema]. *M² Zhurnal* [M² Magazine]. URL: <https://m2-journal.ru/arkhitektura/arkhitektura-v-kino>.

3. Shcherbakova E. I. [Visual history: the development of a new space]. Bordyugov G. A. (ed.). *Historical research in Russia — III. Fifteen years later*. Moscow, AIRO XXI, 2011. Pp. 473—488.

4. Erbay M. Modern architecture and cinema: an assessment through iconic buildings. *International Journal of Academic Research*, 2013, vol. 5, no. 5, pp. 14—23.

5. Ermolaeva O. M. *Vzaimovliyanie arkhitektury i kinematografa* [Interaction of architecture and cinema]. URL: <http://olgunka1987.narod.ru/index/0-6>.

6. Ptichnikova G. A. [Architecture as the construction of a fairytale reality: cinema, theme parks and Disneylands]. *Sovremennaya arkhitektura mira: Vyp. 1* [Modern architecture of the world. Vol. 1]. Moscow, Nestor-History, 2011. Pp. 89—108.

7. O'Connor A.-M. Jean Nouvel is awarded the 2008 Pritzker Architecture Prize. *Los Angeles Times*, 2008, March, 31.

8. Norman Foster: A reputation built to last. *The Independent*, Tuesday, 16 February 2010.

9. Ptichnikova G. A., Antyufeyev A. V. [Mass society and mass architecture]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2011, no. 3, pp. 3—10. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19122601>.

10. Maevskaya M. E. [Skyscrapers in the cinema of the XX and XXI centuries. Ideas and images]. *Sovremennaya kultura mira* [Modern Culture of the World], 2017, no. 9, pp. 179—206.

11. Sassen S. Reading The City in A Global Digital Age. *Global Cities: Cinema, Architecture, and Urbanism in a Digital Age*. L. Krause, P. Petro (eds.). New Jersey, Rutgers University Press, 2003. Pp. 15—30.

12. Pallasmaa J. *The Architecture of Image: Existential Space in Cinema*. Helsinki, Rakennustieto, 2007. 184 p.

13. Sekirinsky S. [Cinematography of history, historicism of cinematography]. *Istoriya strany. Istoriya kino* [History of the country. Cinema history]. Moscow, 2004. P. 9.

© Птичникова Г. А., Антюфеев О. А., 2021

Поступила в декабре 2021

Received in December 2021

Ссылка для цитирования: Птичникова Г. А., Антюфеева О. А. Архитектура и город: взгляд через кинематограф // Социология города. 2021. № 4. С. 39—51.

For citation: Ptichnikova G. A., Antyufeyeva O. A. [Architecture and city: looking through cinema]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 4, pp. 39—51.

УДК 159.933

*Е. Ю. Леонтьева***ЦЕНТР БОЛЬШОГО
ГОРОДА: ЗАПАХ,
ЧЕЛОВЕКОМЕРНОСТЬ,
ХРОНОТОП**

В статье актуализируется новое направление — ольфакторное восприятие города, формирующее обонятельную память городского пространства. Высказана гипотеза тождественности запаха центров больших городов, объединенных их человекомерностью как духовной и физической (в частности, пространственно-временной) комфортностью пребывания в нем. Здесь человек способен постичь окружающий его топос, сочетающий в себе человека, камень, живую природу и пространство, что рождает уникальный запах центра большого города.

Ключевые слова:

ольфакторное восприятие
городской среды,
запах города,
человекомерность,
хронотоп.

*Е. Yu. Leontyeva***BIG CITY CENTER:
SMELL, HUMAN
DIMENSION, CHRONOTOPE**

The events of the past two years have piqued the particular interest of researchers in odors. One of the symptoms of the virus that has fallen on humanity is its absence. Loss of smell, although unpleasant, is not a dangerous symptom, which at the same time directly correlates with bad mood, depression and a decrease in the quality of life. All this made scientists again pay special attention to the fact that smells not only influence, but are very closely related to our memory. This is the so-called "Proust phenomenon", which became the subject of special scientific research, which made it possible to establish that smells evoke much more vivid memories than, for example, sight or hearing. This is directly related to the peculiarity of

Введение

Любое не прагматично ориентированное исследование в социально-гуманитарном знании рождается из того, что задевает нас, впечатляет, заставляет думать и размышлять. Это может быть событие масштабное и грандиозное, может быть элемент или явление рутинного характера из повседневности, но может быть и совсем незначительное на первый взгляд происшествие, встреча или эпизод. А может быть и просто дуновение ветра или запах. События последних двух лет пробудили особый интерес исследователей к запахам: когда одним из симптомов заражения навалившегося на человечество вируса стало отсутствие обоняния. Его потеря хотя и неприятный, но отнюдь не опасный симптом, который, однако, непосредственно коррелирует с плохим настроением, депрессией и снижением качества жизни. Все это заставило ученых вспомнить и обратить особое внимание на то, что запахи не просто влияют, но очень тесно связаны с нашей памятью, а так называемый «феномен Пруста» стал предметом специальных научных исследований. Указанный феномен назван в честь знаменитого французского писателя Марселя Пруста, который в своем известном романе «В поисках утраченного времени» одним из первых недвусмысленно описал процесс воспоминаний, нахлынувших на героя после того, как он вдохнул аромат смоченного в чае печенья.

Современные психология, нейрофизиология, нейробиология в последний год сфокусировали свое внимание на изучении запаха и выявили однозначную связь между запахом и памятью. Здесь можно упомянуть исследования группы нейробиологов, возглавляемых британскими исследователями, и профессора Пенсильванского университета Джея Готфрида [1], а также исследователей Школы медицины Файнберга Северо-Западного университета [2]. Их исследования позволили установить, что запахи вызывают сильные и яркие воспоминания, гораздо более яркие, нежели, например, зрение или слух. Это непосредственно связано с особенностью строения мозга и ольфакторной памятью. «В ходе эволюции у представителей Homo sapiens произошло значительное расширение неокортекса — основной части коры головного мозга, расположенной в верхнем слое полушария. Она не развита у низших млекопитающих, а у человека ответственна за выс-

the structure of the brain and olfactory memory, and from the point of view of neurophysiology finds a fairly logical explanation and experimental confirmation.

Can smells be a method of study, research, experimentation? Obviously – yes in the natural sciences, or in marketing, cosmetology, cooking, winemaking and other applied areas of human activity. But can smell be a method of social and humanitarian knowledge? If smells are directly (even without the mediation of the associative cortex) associated with memories and are able to launch entire layers of human memory, then is this not a means and a way to plunge into long-forgotten (but not erased from memory) events that are the subject of research not only directly from history but also other humanities?

Suddenly, the perceived smell, instantly reproduces an ideal subjective chronotope – a mental, speculative transfer of oneself to a certain (most often the past) place and time and an active emotional, sensory experience of this transfer. Smells awaken memory, and memory is a means and a way of reproducing past events in the unity of their spatial and temporal characteristics. And this can serve as the beginning of knowledge and research, at first glance, lost, or simply forgotten events. But does everything smell? Does, for example, the city smell and how? Is there a special smell of the city center and its outskirts? The author assumes that there is. On an early summer morning, when the cars are “still asleep,” and sprinklers have passed through the streets and “washed away yesterday,” all megacities smell the same – the center of a big city. The real, existential foundation that allows all the centers of all big cities (with very rare exceptions) to smell the same is their human dimension.

The human dimension of the city center presupposes, first of all, the physical, spatio-temporal comfort of being in it, as a consequence of the fact that it is here that a person is able to grasp (by sight, hearing) the topos that surrounds him. The topos of the city center always in an amazing way combines the proportion of man, stone, wildlife and space, it does not reject us, because it is for us. And it is this proportion, where the

шие нервные функции: сенсорное восприятие, мышление, речь. Именно это расширение изменило доступ к сетям памяти. Базовые чувства, такие как зрение, слух и осязание, при расширении неокортекса переориентировались в мозге и стали соединяться с гиппокампом через посредника — ассоциативную кору, а не напрямую» [2]. Именно гиппокамп как часть лимбической системы головного мозга (обонятельного мозга) участвует в «механизмах формирования эмоций, консолидации памяти (то есть перехода кратковременной памяти в долговременную), пространственной памяти, необходимой для навигации. Генерирует тета-ритм при удержании внимания» [2]. При этом «обоняние не претерпело такой переориентации и сохранило прямой доступ к гиппокампу» [2]. Запахи являются предметом изучения, исследования, проведения экспериментов в естественных науках, а также маркетинге, косметологии, кулинарии, виноделии и многих других прикладных областях человеческой деятельности. Но может ли запах быть методом социально-гуманитарного знания?

На первый взгляд данный вопрос может иметь и вполне рациональный ответ, учитывая все вышесказанное. Если запахи непосредственно (даже без опосредования ассоциативной коры) связаны с воспоминаниями и способны запустить целые пласты человеческой памяти, то не есть ли это средство и способ погрузиться в давно забытые (но не стертые из памяти) события, которые являются предметом исследования не только истории, но и ряда других гуманитарных наук?

Внезапно воспринятый запах молниеносно способен перенести нас во времени, и перед глазами возникнут картинки детства или юности. Но что представляют собой сами пробужденные воспоминания? Можно предположить, что это есть процесс воспроизведения идеального хронотопа — ментальный, умозрительный перенос себя в определенное (чаще всего прошлое) место и время и активное эмоциональное, чувственное переживание этого переноса. Запахи пробуждают память, а память есть средство и способ воспроизведения прошлых событий в единстве их пространственно-временных характеристик. И это может служить началом познания и исследования на первый взгляд утерянных или просто забытых событий. Однако все ли имеет свой запах? Пахнет ли смена власти или инфляция? Пахнут ли

above components are combined in appropriate doses, that gives rise to the unique smell of the center of a big city. This smell is fully enjoyed by flâneurs – aimlessly strolling pedestrians, who assert the human dimension of the city in its purest form. The concept used is derived from the French flâneur – walking, while carrying a rich associative array. A flâneur is both just a person who enjoys walking down the street, and a bum – after all, in a utilitarian sense, he does nothing and does not seek to get anywhere, and an expert on city life and an expert on historical places, and just a connoisseur of street life. The accelerating pace of life eradicates the practice of flying, although the process of its revival is going on in parallel, since it is the center of the city that allows not only viewing it from a close distance, but feeling, touching it, and most importantly, smelling it.

The centers of cities (both Russian and European) are historical, full of chronotopes, referring each of us to the past, and always allowing a glimpse into this past. The chronotopes of urban centers are human-dimensional, therefore attractive and capable of “healing the soul”. The human dimension of the city center is manifested in its spatial and temporal comprehension, which makes it easy to navigate and move in it. This gives rise to the attractiveness of the center for life, which is comfortably realized in the indicated chronotopic proportionality, which is not always realized, but always perceived through the whole variety of human senses, including the sense of smell.

Key words:

olfactory perception of the urban environment, the smell of the city, human dimension, chronotope.

любовь и ревность, богатство и бедность? Имеют ли запахи пространственные и временные формы организации деятельности и жизни людей — завод, больница, школа, двор, город? Большинство из нас ответят положительно на данные вопросы. Но применительно к нашему исследованию мы еще раз его зададим: пахнет ли и как пахнет большой город?

Город имеет запах. И этот запах для каждого из нас особенный, связанный с уникальной (пережитой в личном непосредственном опыте) пространственно-временной организацией человеческой жизни — городом. Город объективно пахнет. При этом центр города — место, «откуда все началось», место, на которое пришли первые поселенцы — основатели будущего города, пахнет иначе, чем его окраины. Но и окраины пахнут по-разному. Будь то «рабочая окраина» или «коттеджный поселок». А вот центр большого города, на наш взгляд, пахнет везде одинаково. Безусловно, цивилизация привносит свои нюансы в эти запахи (например, Париж явно отдает парфюмом). Но ранним летним утром, когда автомобили «еще спят», а по улицам прошли поливальные машины и «смыли вчерашний день», все мегаполисы пахнут одинаково — центром большого города. Можно ли этот запах описать словами? И да и нет. Хотя поэту или писателю это гораздо более под силу, нежели ученому-гуманитарю.

В современной отечественной науке запах города (или, точнее, ольфакторное восприятие городской среды) является предметом изучения «Научно-учебной лаборатории исследований мультисенсорного опыта пользователя городской среды» Высшей школы экономики, которая отмечает, что это относительно новая и малоизученная тема. Ее особая сложность состоит в том, что запах практически невозможно запечатлеть, «как это можно сделать с зрительным образом или звуком. Поэтому единственным возможным способом изучения запахов становится изучение субъективных восприятий горожан»¹. Именно поэтому лично для автора этой статьи все исторические центры больших городов пахнут одинаково. В мировой исследовательской практике существует специальный термин *smellscape* (в дословном переводе «запах пейзажа»),

¹Как изучали запахи в городе? URL: <https://gorod.hse.ru/umelab/news/490474745.html>.

Об авторе:

Леонтьева Елена Юрьевна –
д-р филос. наук, проф.,
зав. каф. философии и права,
Волгоградский государственный
технический университет
(ВолГТУ).
Российская Федерация,
400131, г. Волгоград,
пр-т Ленина, 28;
prof.elena.leontyeva@gmail.com

Leontyeva Elena Yurievna –
Doctor of Philosophy,
Head of Philosophy
and Law Department,
Volgograd State Technical University
(VSTU).
28, Lenin Ave, Volgograd,
400131, Russian Federation;
prof.elena.leontyeva@gmail.com

или «ольфакторный ландшафт города». Как отмечают исследователи указанной лаборатории, «наиболее известное определение звучит как “процесс восприятия запахов, связанных с определенным пространством, и обобщенные ольфакторные характеристики самого пространства”»². Именно эти характеристики стремится считать любой исследователь запахов.

Впервые о полноценном исследовании запахов в пространстве написал географ Дэвид Портеус в 1985 г. [3]. Он концептуализировал понятие *smellscape* через психологические аспекты восприятия запахов. Любой запаховый ландшафт не является непрерывным, а располагается в пространстве и времени. Особое внимание уделяется роли запаха в детстве и памяти, а также возможному применению *smellscape studies*. Из зарубежных исследователей упомянем также Кейт Макклиан, которая в своем исследовании изучает качественно воспринимаемые пространственные и временные характеристики обонятельного ландшафта с помощью методов картографии, что способствует передаче невизуальной сенсорной обонятельной информации и формирует так называемый «дизайн коммуникации» [4], основанный на междисциплинарных методах, чувственном путешествии, агентном картировании, ритманализе и творческой практике. К. Макклиан составляет карты запахов как средства анализа, интерпретации и передачи теоретизированного фрагментарного и эпизодического обонятельного ландшафта. В перспективе, по ее мнению, они могут использоваться дизайнерами коммуникаций, географами, защитниками окружающей среды, архитекторами, городскими дизайнерами, городскими властями и художественными организациями, заинтересованными в визуализации и передаче локального человеческого сенсорного опыта. Подобные исследования имеют прикладной аспект, и в первую очередь маркетинговый или туристический [5, 6]. Мы же попробуем сделать акцент на философском дискурсе в контексте обозначенной темы, оставаясь при этом в рамках субъективного восприятия и субъективной интерпретации запаха центра большого города.

Исследователи городов делают акцент как на самобытности каждого из них [7], так и на объединяющие жизнь любых городов явления или события [8],

²Там же.

а исследуя запахи, составляют различные карты обонятельного ландшафта. В литературе, порой обращающей внимание именно на запахи, чаще отражают разницу между Парижем и Римом, Лондоном или Прагой. Вспомним хотя бы знаменитые «Города и годы» Дона Аминадо³:

Старый Лондон пахнет ромом,
Жестью, дымом и туманом.
Но и этот запах может
Стать единственно желанным.

Ослепительный Неаполь,
Весь пронизанный закатом,
Пахнет муляжами и слизью,
Тухлой рыбой и канатом.

Город Гамбург пахнет снедью,
Лесом, бочками и жиром,
И гнетущим, вездесущим,
Знаменитым добрым сыром.

А Севилья пахнет кожей,
Кипарисом и вербеной,
И прекрасной чайной розой,
Несравнимой, несравненной.

Но не будучи согласной с автором, дифференцирующим запахи города, особенно центров городов, добавлю от себя:

Да, нюансы многолики,
Много в городе вещей,
Но центр, агора, базилика
Пахнут городом «вообще».

Что объединяет центры больших городов? Запах, как составляющая его идентичности, рождающий внезапно и без усилий образ города, причем даже не просто образ, а нас самих в том самом конкретном месте и времени (хронотопе), который был когда-то, и мы снова именно такие, какими были, когда первые ощутили этот запах [9]. Но что может быть основанием, очевидно реальным, бытийным, что позволяет центрам любого (за очень редкими исключениями) мегаполиса пахнуть одинаково? Их человекомерность. То, что утрачивается в современном большом городе по мере удаления от его центра. Оговоримся, что в современной исследовательской литературе данный термин применяется исходя из прямого значения и смысла составляющих его корневых основ. ИФ РАН была выпущена коллективная монография, представляющая достаточно полную интерпретацию феномена человекомерности, с привлечением обширного материала современной науки [10]. В последнее время

³ Дон Аминадо. Избранные стихотворения. Города и годы. URL: http://literatura5.narod.ru/don_aminado.html

чаще можно услышать о нечеловекомерности современного мира, который оказывается слишком быстрым, слишком информативным, слишком большим или маленьким, что в обоих случаях препятствует его полноценному не только изучению, но и принятию, признанию, приспособляемости к нему и жизни в нем в целом. Человекомерность предполагает «мир для человека», мир, в котором человек себя чувствует комфортно как в социальном, так и в физическом смысле. Говоря о человекомерности центра города, мы имеем в виду прежде всего физическую, пространственно-временную комфортность пребывания в нем как следствие того, что именно здесь человек оказывается способен объять (взглядом, слухом) окружающий его топос. Топос центра города всегда удивительным образом сочетает в себе пропорцию человека, камня, живой природы и пространства, оно не отторгает нас, потому что оно *для* нас. И именно эта пропорция, где сочетаются указанные составляющие, рождает уникальный запах центра большого города. Он может иметь вариации, но он остается центром города с особым запахом, притягивающим к себе как самих горожан, так и туристов.

О человекомерности городского пространства, но без связи с запахами, пишет в своей статье О. В. Новикова, обращая внимание на человекомерность как «взаимное подобие человека и города, которое закладывается как стихийно, так и целенаправленно» [11]. Анализируя пространственное перемещение горожан, автор обращает внимание на рождение в городе «нового социального тела» — пассивного пассажира, «чье восприятие города опосредовано окном омнибуса, затем — трамвая, автобуса и т. д. Пассажир перемещается из точки А в точку Б, находясь в позиции объекта, вписанного в циркуляцию городской жизни, в отличие от активного пешехода-горожанина, выступающего в качестве субъекта города, покоряющего его шаг за шагом и тем самым присваивающего его» [11]. В этом проявляется человекомерность пешехода, его встроенность в масштаб города. К сожалению, только его центра, потому что достижение его окраин уже затруднено без обретения роли пассажира.

Вальтер Беньямин — известный немецкий культуролог и философ, вслед за Шарлем Бодлером использует понятие «фланер» [12]. Это тот, на наш взгляд, кто утверждает «человекомерность» города «в чистом виде», для кого важен город как таковой, и в этой востребованности нет ни тени утилитаризма. По сути, это способ познания города, который исходит из восприятия города как чуда: «Не найти дорогу в городе — невеликая премудрость. А вот заблудиться в городе, как в лесу, — тут требуется выучка» [11]. Прогуливание (фланирование) по городу было важной частью приобщения к обществу во второй половине XIX в. Беньямин определяет фланера как «гуляющего горожанина, заинтригованного драмами городской жизни, ценителя ее тайн и удовольствий» [цит. по: 13, с. 413]. Использованное понятие несет в себе богатый ассоциативный ряд: это и просто человек, получающий удовольствие от прогулки по улице, и бездельник — ведь в утилитарном смысле он ничего не делает и никуда не стремится попасть, и знаток городской жизни и эксперт по историческим местам, и просто ценитель уличной жизни. Французский писатель-публицист Виктор Фурнель в своей книге «Что каждый видит на улицах Парижа» (1867 г.) посвятил искусству *фланирования* целую главу.

Скорости и темпы XX в. практически искоренили данный феномен, оставив его отголоски «разве что во взгляде туриста» [11]. Но следует признать, что современный город возрождает традицию фланерства (в ряде городов есть устойчивое приглашение-предложение друзьям погулять по городу, а фраза «съездить в город» означает переместиться из окраины в центр, ведь именно это позволяет не просто рассматривать город с близкого расстояния, но ощущать, чувствовать его и, что самое главное, — обонять. Фланерство, по мнению Новиковой, призвано раскрыть «транзитивность города — специфику его хронотопологии, порожденной полифонией истории и способностью впитывать новое». И безусловно важным элементов фланерства является запаховый ландшафт.

По мере удаления от центра мы приближаемся к жилым массивам и комплексам, многоэтажным застройкам, подавляющим человека своей несоразмерностью с самим человеком. Человек испытывает комфорт и душевное равновесие в соразмерном ему пространстве, хотя и эта соразмерность достаточно вариативна. Однако если она переходит некоторые границы и становится меньше или больше определенного уровня, человек испытывает чувство потерянности, оказывается подавлен, его «душа сворачивается». Эта подавленность может не осознаваться, но она может ощущаться на уровне желания уехать, отдохнуть либо вообще за пределами города, либо в центре города: прогуляться по набережным, улицам, бульварам, проспектам. Центры городов (как российских, так и европейских), как правило, исторические, насыщенные хронотопами, относящими каждого из нас к прошлому и всегда позволяющими в это прошлое заглянуть. Хронотопы городских центров человекомерны, потому привлекательны и способны «лечить душу». Человекомерность центра города проявляется, во-первых, в его пространственной постигаемости, позволяющей в нем легко ориентироваться (независимо от специфики исторического возникновения города), охватить пространство взглядом и преодолеть его в достаточно небольшой промежуток времени. Это связано со второй особенностью человекомерности центра — его темпоральной ограниченностью, понимание которой отражено в физической возможности и даже легкости пешего пересечения центра больших городов по диагонали, при затрате совсем небольшого количества времени (от северной до крайней южной точки на московском Садовом кольце пешей прогулкой максимум полтора часа). Человекомерность центра города рождает привлекательность его для жизни, комфорт которой оказывается предопределен соответствующими пропорциями пространства — камня — человека — природы, пропорциями, которые не всегда осознаются, но всегда воспринимаются через все многообразие человеческих чувств, в том числе и обоняние.

В заключение отметим, что философия города как особое направление в рамках философского дискурса традиционно выстраивалась через философию урбанизма, через «описание архитектурных стилей. Такой подход укоренился в европейской традиции, которая подразумевает, что движение архитектуры является не простой сменой строительных стилей и инженерных конструкций, но “воплощением духа”, отражением мировоззрения эпохи, зримой философией своего времени» [14]. Широкое исследование жизни человека в городе с акцентом именно на философско-антропологическую проблематику представлено в последние годы в ряде работ отечественных исследователей, в том

числе на страницах журнала «Социология города». Лейтмотивом работ становится идея, что «в основе развития городов лежит процесс развертывания социальной сущности человека..., а создание города — это реализация творческого начала человека..., исследование жизни человека в городе отражает стремление к осмыслению человека в его целостности, при этом в полном объеме эта задача неразрешима» [15]. Есть предложение, что лейтмотивом городской антропологии и философии города должны стать слова Освальда Шпенглера из «Заката Европы»: «Все великие культуры мира — культуры городские» и «Человек — градопострояющее животное» [16, с. 94]. Обратим особое внимание — животное, которое должно пользоваться своим обонянием в не меньшей степени, чем зрением и слухом, животное, для которого ольфакторное восприятие распространяется и на исторические артефакты, воплощенные в камне хронотопы больших городов. Именно в этом направлении, на наш взгляд, лежит перспектива развития философской антропологии города, предполагающей учет и применение методов социологии, урбанистики, психологии, истории и, конечно, ольфакторного восприятия городов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Olfactory modulation of the medial prefrontal cortex circuitry: Implications for social cognition / J. P. Bhattarai, S. Etyemez, H. Jaaro-Peled et al. // *Semin Cell Dev Biol*. 2021. doi: 10.1016/j.semcdb.2021.03.022.
2. Zhou G., Olofsson J. K., Koubeissi M. Z. et al. Human hippocampal connectivity is stronger in olfaction than other sensory systems // *Prog Neurobiol*. 2021. doi: 10.1016/j.pneurobio.2021.102027.
3. Porteous J. D. Smellscape // *Progress in Physical Geography: Earth and Environment*. 1985. Vol. 9. No. 3. Pp. 356—378. doi: 10.1177/030913338500900303.
4. McLean K. Temporalities of the smellscape: creative mapping as visual representation // *Modern Approaches to the Visualization of Landscapes* / O. Kühne, D. Edler, C. Jenal. Springer. Pp. 217—246.
5. Quercia D., Aiello L. M., Schifanella R. The Emotional and Chromatic Layers of Urban Smells // *ArXiv160506721*. Cs. 2016.
6. Henshaw V., Medway D., Warnaby G., Perkins Ch. Marketing the ‘city of smells’ // *Marketing Theory*. 2016. No. 2. Pp. 153—170. doi: 10.1177/1470593115619970.
7. Галенко М. В., Назарова М. П., Янин К. Д. Социокультурные факторы становления городов на примере Царицына — Сталинграда — Волгограда // *Социология города*. 2019. № 4. С. 44—51. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_03-20.pdf.
8. Карчагин Е. В., Назарова М. П., Янин К. Д. Городская повседневность в условиях пандемии COVID-19 // *Социология города*. 2020. № 4. С. 42—50. URL: <https://vgasu.ru/nauka/zhurnaly/sotsiologiya-goroda/arhiv/2020-4/4/>
9. Петренко-Лысак А. Заметки городской мечтательницы // *Медиа Решения*. URL: <https://rubryka.com/ru/blog/zapah-mista/>
10. Синергетика человекомерной реальности // *Философия науки*. М., 2002. Вып. 8. 428 с. URL: https://iphras.ru/ps_8.htm.
11. Новикова О. В. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021. № 2. С. 12—20. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/3824/4184>.
12. Беньямин В. Бодлер. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 224 с.
13. Трубина Е. Г. Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 520 с.

14. Веселова С. Б. Город — Архитектура — Философия. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/veselova-sb/gorod-arhitektura-filosofiya>.

15. Горнова Г. Введение в философию города. URL: <https://urtmag.ru/public/802/>

16. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. М., 1993. Т. 1.

REFERENCES

1. Bhattarai J. P., Etyemez S., Jaaro-Peled H. et al. Olfactory modulation of the medial prefrontal cortex circuitry: Implications for social cognition. *Semin Cell Dev Biol*, 2021. doi: 10.1016/j.semcdb.2021.03.0222.

2. Zhou G., Olofsson J. K., Koubeissi M. Z. et al. Human hippocampal connectivity is stronger in olfaction than other sensory systems. *Prog Neurobiol*, 2021. doi: 10.1016/j.pneurobio.2021.102027.

3. Porteous J. D. Smellscape. *Progress in Physical Geography: Earth and Environment*, 1985, vol. 9, no. 3, pp. 356—378. doi: 10.1177/030913338500900303.

4. McLean K. Temporalities of the smellscape: creative mapping as visual representation. In: Kühne O., Edler D., Jenal C (eds.). *Modern Approaches to the Visualization of Landscapes*, Springer. Pp. 217—246.

5. Quercia D., Aiello L. M., Schifanella R. The Emotional and Chromatic Layers of Urban Smells. *ArXiv160506721*. Cs. 2016.

6. Henshaw V., Medway D., Warnaby G., Perkins Ch. Marketing the 'city of smells'. *Marketing Theory*, 2016, no. 2, pp. 153—170. doi: 10.1177/1470593115619970.

7. Galenko M. V., Nazarova M. P., Yanin K. D. Sociocultural factors of the formation of Tsaritsyn — Stalingrad — Volgograd. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2019, no. 4, pp. 44—51. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_03-20.pdf.

8. Karchagin E. V., Nazarova M. P., Yanin K. D. [Urban daily life in the covid-19 pandemic]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2020, no. 4, pp. 42—50. URL: <https://vgasu.ru/nauka/zhurnaly/sotsiologiya-goroda/arhiv/2020-4/4/>

9. Petrenko-Lysak A. [Notes of the Urban Dreamer]. *Media Resheniya* [Media Solutions]. URL: <https://rubryka.com/ru/blog/zapah-mista/>

10. [Synergetics of human-dimensional reality]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. Moscow, 2002. Iss. 8. 428 p. URL: https://iphras.ru/ps_8.htm.

11. Novikava V. U. [Philosophy of the city: to the problem of humanity of urban space]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya* [Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology], 2021, no. 2, pp. 12—20. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/article/view/3824/4184>.

12. Ben'yamin V. *Bodler* [Baudelaire]. Moscow, Ad Marginem Press. 2015. 224 p.

13. Trubina E. G. *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [City in theory: experiments in the comprehension of space]. Moscow, New Literary Review, 2011. 520 p.

14. Veselova S. B. *Gorod – Arkhitektura – Filosofiya* [City – Architecture – Philosophy]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/veselova-sb/gorod-arhitektura-filosofiya>.

15. Gornova G. *Vvedenie v filosofiyu goroda* [Introduction to the philosophy of the city]. URL: <https://urtmag.ru/public/802/>

16. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes. Umrisse Einer Morphologie der Weltgeschichte*. München, 1922.

Поступила в ноябре 2021

© Леонтьева Е. Ю., 2021

Received in November 2021

Ссылка для цитирования: Леонтьева Е. Ю. Центр большого города: запах, человекомерность, хронотоп // Социология города. 2021. № 4. С. 52—60.

For citation: Leontyeva E. Yu. [Big city center: smell, human dimension, chronotope]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 4, pp. 52—60.

УДК 101.8; 303.433;
316.74*Д. Р. Яворский***РЕЛИГИЯ В МЕГАПОЛИСЕ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ**

В статье предлагается понимание религии как свободного ансамбля убеждений, ритуальных и аскетических практик, сакрализаций и способов утилизации свободной психической энергии. Предпринимается критика классического религиоведения, implicitly сводящего все многообразие форм религиозности к моделям, выработанным монотеистическими традициями, и прежде всего христианством. Представлено иное понимание религиозности, где компоненты религиозного ансамбля могут существовать независимо друг от друга, а также в условиях мегаполиса принимать новые (синкретические, индивидуалистические, игровые и т. п.) формы.

Ключевые слова:
город,
постсекулярность,
религия,
религиозность.

*D. R. Jaworsky***RELIGION
IN METROPOLIS:
METHODOLOGICAL NOTES**

The article attempts to draw the trajectories of research on the religiosity of the modern urban community. The first part shows the deep connection of urban life with religious ideas and practices, as well as the transformation of these practices and ideas in a secular context. The second part offers a new vision of religiosity as a free ensemble of beliefs, ritual and ascetic practices, sacralizations and ways of utilizing free psychic energy. A critique of classical religious stud-

Введение

Приходится нередко сталкиваться с мнением, что религия — удел сельской культуры, а город воспроизводит преимущественно секулярную среду. В отечественной литературе, особенно в «деревенской прозе», именно сельский храм (даже заброшенный) остается оплотом «духовности» в мире господствующих «материальных ценностей» [1, с. 69—86]. На то, что не все так однозначно, указывает характеристика христианства, данная М. Вебером в «Социологии религии»: «В раннем христианстве язычник именуется просто сельским жителем (*paganus*). Еще в официальных доктринах средневековой церкви (у Фомы Аквинского) крестьянин рассматривается как христианин более низкого ранга; во всяком случае по отношению к нему проявляется известное пренебрежение. Религиозное прославление крестьянина и уверенность в его особом благочестии — продукт совсем недавнего времени» [2, с. 140—141]. Трактовка христианства как типично городской религии [3, с. 74] может показаться странной, однако если мы обратимся к раннехристианской литературе, представленной в Новом Завете, то увидим, что она верна. Пастырские послания апостола Павла были адресованы либо членам городских общин (римлянам, коринфянам, ефесянам, филиппийцам, колоссянам, фессалоникийцам), либо конкретным корреспондентам. Однако вдумчивый наблюдатель может указать на то, что проникновение христианства в античные города было вызвано как раз тем обстоятельством, что, в отличие от деревень, они испытывали кризис традиционных форм религии. Не случайно христиан часто упрекали в «атеизме», имея в виду отрицание ими тех божеств, которым традиционно поклонялись жители городов и сел антично-средиземноморского мира, пример тому можно найти в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (IV, 15)¹. Как видно, уже эти предварительные размышления дают весьма запутанную картину: все-таки что представляет собой город как религиозное явление? Во всяком случае город никак нельзя признать явлением безрелигиозным и тем более антирелигиозным.

¹Евсевий

Кесарийский.

Церковная

история.

https://azbyka.ru/otechnik/Evsevij_Kesarijskij/tserkovnaja-istorija/4_15.

ies is undertaken, implicitly reducing all the diversity of forms of religiosity to models developed by monotheistic traditions and, above all, Christianity. The third part of the article presents a different understanding of religiosity, where the components of a religious ensemble can exist independently of each other, as well as take new forms. The main contours of religious transformations in the modern metropolis are outlined: syncretization, individualization, diffusion of religious and gaming practices.

Key words:

city,
postsecularity,
religion,
religiosity.

**Об авторе:
Яворский**

*Дмитрий Ромуальдович —
д-р филос. наук, доц.,
проф. каф. философии,
Волгоградский государственный
университет (ВолГУ).
Российская Федерация, 400062,
г. Волгоград,
пр-т Университетский, 100;
d.r.yavorsky@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-9198-4847*

*Jaworsky Dmitry Romualdovich —
Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Philosophy,
Volgograd State University,
100, Universitetskiy Ave, 400062,
Volgograd, Russian Federation;
d.r.yavorsky@yandex.ru;
ORCID: 0000-0002-9198-4847*

Казалось бы, распутать это клубок мог бы привычный для религиоведения подход: обращение к изучению «традиционных» религиозных объединений в городе. В самом деле, если исследователь-социолог поставит перед собой задачу изучить религиозность горожан, то он скорее всего отправится опрашивать тех, кто посещает религиозные заведения — храмы, мечети, синагоги, дацаны, молельные дома и т. п. Однако и в этом случае результаты окажутся несвободны от некоторой путаницы. Скорее всего, социолог столкнется с вопиющей нестыковкой между опросами ведущих социологических центров, которые выдают значительный процент людей, декларирующих приверженность той или иной религии, и реальной посещаемостью религиозных учреждений². Если же он проведет серию глубинных интервью, то обнаружит, что картина личности «религиозного человека» во многих случаях будет несильно отличаться от таковой у человека «мирского». Даже в повседневном общении мы с удивлением обнаруживаем «светскость» людей, участвующих в религиозных обрядах. Вместе с тем нетрудно заметить также, что многие «мирские» горожане в некоторых вопросах ведут себя вполне «религиозно»: иррациональны в решениях, суеверны в повседневной жизни. Значит, и этот путь лишь отчасти вносит ясность в характеристику городской религиозности.

Описанная здесь ситуация неопределенности влечет за собой необходимость теоретической работы, предваряющей эмпирические исследования и сделанные на их основании выводы. Поскольку в современном религиоведении нет детально разработанной и конвенционально принятой теории религии, постольку данная статья имеет целью дать предварительные методологические рассуждения.

Город как религиозное явление

Начать следует с того, что город как вид поселения уже предполагает некий минимум «гражданской» религии, связывающей жителей друг с другом [4, с. 9; 5, с. 55—56]. Наиболее показателен в этом смысле античный и средневековый западноевропейский город. Макс Вебер писал по этому поводу: «...развитой античный и средневековый город был

²Вера в сверхъестественное // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-vs-verhestestvennoe/>

прежде всего союзом, конституированным или понимаемым как *братство*, в котором поэтому всегда существует и соответствующий религиозный символ: культ городского союза бюргеров, как такового, следовательно, бог города или городской святой» [2, с. 334]. Хорошо известно, что древнегреческие города-полисы считали себя находящимися под покровительством богов: Афины — Афины, Дельфы — Аполлона и т. д. В честь городских богов, как правило, раз в году устраивались торжества, в которых участвовали все граждане; порой на них специально приглашались гости города. Платон в диалоге «Ион» упоминает знаменитые Панафинеи — религиозный праздник в честь богини Афины, которому афиняне стремились придать общегреческое значение [6, с. 372]. Изображение этого торжества украшало фриз Парфенона. Средневековые города имели святых-патронов: Кёльн — святую Урсулу, Париж — Женевиёву, Рим — апостола Петра и т. д. «Восточный», или, как его называет Вебер, «азиатский город», несмотря на некоторые особенности в генезисе, общественно-политическом и хозяйственном устройстве, также имел культовый центр, который, правда, олицетворял собой не городское комьюнити, а величие царской власти. Таково, к примеру, было положение зиккурата Мардука и самого культа Мардука в Вавилоне.

Религиозный аспект городской жизни проявляется так или иначе в топографии города. Центральное положение в античном и средневековом европейском городе занимает храм, посвященный покровителю городской общины. То, что в ряде случаев он делил центральное положение с замком (бургом), ратушей или другими административными зданиями, существенно не меняет сути дела [7, с. 156; 8, с. 193]. Даже при глубоких религиозных трансформациях эта «сакральная топография» остается без существенных (структурных) изменений. Красноречиво это показывают российские города. В период атеистической борьбы против традиционных вероисповеданий, подаваемой как борьба против самой религии, как правило, одни святыни заменялись другими — святынями новой «гражданской религии». Например, в Волгограде (тогда еще Царицыне) площадь, на которой находился кафедральный собор Александра Невского, становится площадью Павших Борцов; там сооружается монумент, посвященный героям Революции и Гражданской войны. Площадь становится местом проведения общегородских собраний и государственных праздников. В конце 1940-х гг. такие же площади советских городов становятся сакральными местами памяти подвига советского народа в Великой Отечественной войне. В ряде случаев даже происходит перепосвящение мемориального сооружения, как это произошло с упомянутым монументом на площади Павших Борцов, который стал местом возложения цветов в память о советских воинах Великой Отечественной войны и воспринимается в основном именно так. Память о революционных событиях отходит на второй план, а в 1990-е гг. вообще вытесняется. Вполне символично то, что это же место выбирается для реконструкции храма в честь Александра Невского. Таким образом, площадь Павших Борцов становится сакральным местом трех религий (одна из которых, связанная с поклонением героям Революции и Гражданской войны, пришла в упадок).

Однако религиозность горожан не сводится к «гражданской религии» или к религии господствующей. Современный город своей весьма пестрой религи-

озной картиной напоминает крупные города эллинистической эпохи наподобие Александрии. В таких городах общегородские культы соседствовали с имперскими, родовыми и прочими; были распространены тайные, экзотические культы, которые связывали мистически настроенных горожан, как правило, не нашедших себе места в гражданской общине (рабов, вольноотпущенников, отщепенцев) [9, с. 315—323]. Нередко один и тот же человек мог участвовать в разных культовых действиях, что, в общем, было привычным в городах, где сочетались домовые (семейные) культы с общегородскими. В сущности, эту картину мы наблюдаем и в современном городе. Более того, она существенно богаче за счет разнообразия религиозных форм, многие из которых даже не распознаются как таковые классическими науками (социологией, психологией, религиоведением, антропологией). То, что эта картина слабо представлена и разработана в религиоведческих исследованиях, по-видимому, объясняется тем понятием религии, которое значительно сужает предмет религиоведческого исследования, обедняя (и искажая тем самым) общую картину религиозности мегаполиса.

Религия в дисперсном состоянии

Религия — ансамбль представлений, переживаний, действий, знаков, предметов, которые могут существовать как интегрированно (быть подчинены чему-то одному), так и разрозненно [10]. Чаще всего в европейской культуре этот ансамбль ассоциируют со сверхъестественным или сакральным. За последние 50 лет в науках о религии набирает влияние конструктивистский подход, трактующий понятие религии как сравнительно недавнее изобретение [11]. Это, конечно же, контрастирует с привычным представлением о том, что религия — одно из самых ранних явлений культуры, а тем более что религия современна культуре и культуры без религии не бывает [12, с. 51—52]. Однако если проанализировать значение слова *religio* в античных, средневековых и нововременных текстах, то становятся видны различия между ними. То, что мы привычно считаем «религией», вовсе не совпадает с тем, что под этим словом имели в виду 500 лет или 2 тыс. лет назад. Современное понятие религии возникло как эффект приватизации религии и секуляризации культуры [13].

По крайней мере до XVI в. то, что мы сейчас называем религией, не выделялось как обособленное явление и было как бы рассеяно по всему полю культуры. Религия творилась не только в храмах, но и в ремесленных мастерских, частных домах, собраниях муниципалитетов, господских замках. Буквально каждое действие человека было насыщено религиозными переживаниями и символами. Только тогда, когда начались религиозные войны между католиками и протестантами, европейцы осознали обратную, теневую сторону такого засилья религии. Порой незначительная мелочь могла дать повод для религиозного конфликта. Выход из столетнего религиозного противостояния был найден в отделении религии от политики. Но для этого нужно было провести четкие границы между этими сферами культуры, понятийно определить религию.

В XVIII в. уже просветители, обрушившиеся с критикой на христианство и религию в целом, попытались найти границы той цели, по которой они вели огонь. Так в эпоху Просвещения сложилось то понятие религии, которое мы сейчас используем. Это понятие предполагает в качестве сущностной характеристики веру в трансцендентное божество (Бога или богов); сакрализацию

предметов, людей, образов, символов; совершение ритуальных действий; веру в посмертное существование души и аскетические практики по подготовке души (в союзе с будущим воскресшим телом) к вечной жизни. Как видно, все это в полной мере характеризует христианство. Такое понятие подходит далеко не ко всем явлениям, которые мы привычно относим к категории религии. Например, для буддизма вовсе не обязательно верить в трансцендентное божество, ислам не предполагает догматики, архаическим обществам неизвестно разделение «естественного» и «сверхъестественного» и т. д. То есть нетрудно увидеть, что категория религии образуется путем обнаружения признаков христианства в других, подобных христианству, явлениях [14]. Неслучайно современное понятие религии формировалось преимущественно миссионерами, путешественниками и колониальными администраторами. Такой «христианоцентричный», «европоцентричный» подход едва ли способствует построению корректной, непредвзятой картины религии. Неудивительно, что попытки преодолеть эту тенденциозность и найти некоторую родовую черту религии как таковой привели к неудаче.

Продуктивно рассматривать эту неудачу как симптом современной культурной ситуации, где происходит радикальная трансформация того явления, которое обозначается словом «религия». Понятие о религии как о целостном феномене (каковым по умолчанию считалось христианство по преимуществу) вполне соответствовало ситуации модерна, когда христианские церкви заняли определенное место в жизни европейских наций. Они, с одной стороны, были ограничены в своих притязаниях, с другой стороны, пользовались влиянием в определенных и достаточно широких общественных сферах. Однако уже к концу XIX в. стал ощущаться кризис такого порядка вещей. Он был наспех описан в терминах теории секуляризации, т. е. трактовался как упадок религии как таковой, а не только религиозных институтов Европы. Аналогичные процессы наблюдаются и в других религиозных ареалах (исламском, иудейском, буддийском, индуистском, даосско-конфуцианском и т. д.). Однако уже к концу XX в. стало видно, что концепция секуляризации не объясняет общего состояния религии: в XX в. возникло множество новых религиозных движений, традиционные религии не только выдержали натиск секуляризации (наиболее заметный в странах социализма), но и отчасти восстановили свое влияние (например, католическая церковь в Польше, православная в России), намечился рывок политизированного ислама. Новая ситуация была описана в терминах концепции постсекулярности [15]. В том аспекте теории религии, который принят в данной статье, это означает, что кризис затронул традиционные религиозные организации, а религия стала принимать *дисперсный характер*, т. е. тот ансамбль представлений, переживаний, действий, знаков, предметов, который был систематизирован классическими религиозными институциями, такими как христианская церковь, исламская умма, буддийская сангха, рассыпался на разрозненные религиеподобные явления, бытующие отныне по отдельности [10].

Религиоведы фиксируют такие явления, которые кажутся странными, если посмотреть на них с позиций «классического» религиоведения с его «классическим» пониманием религии. Например, представления о наличии сверхъестественных сил (теистический аспект религии) могут вовсе не сопро-

вождаться богословскими учениями, культовыми практиками и аскетическими техниками; ритуалы могут не сопровождаться выраженными представлениями о сверхъестественных инстанциях — адресатах ритуальных действий; аскетические практики (экзистенциальный аспект религии) могут бытовать без всякой связи с теистическими представлениями и ритуальными действиями. Элементы разных религиозных традиций могут легко вступать во взаимодействие друг с другом: христианин допускает наличие кармических закономерностей, мусульманин может заниматься астрологией, колдунья ходить на исповедь и т. п. Однако такое положение дел кажется странным только на первый взгляд человеку, привыкшему к «классической» религии. Антропологи свидетельствуют о том, что такой религиозный синкретизм является нормой в истории религии и, напротив, религиозный пуризм иудеев, христиан, мусульман выглядит отклонением от культурной «нормы». В этой связи итальянский исследователь религии Леонард Норман Приммиано предложил различать «викарную» и «вернакулярную» религии [16, с. 298—299]. Викарная — нормативная религия, которой придерживается меньшинство (например, христианские монахи, буддийские бхикшу, церковное духовенство и т. д.). Большинство придерживается повседневных религиозных практик, которые составляют известный компромисс с вызовами реальности. Эти практики не вмещаются в строгие рамки нормативности, но с точки зрения религиозной антропологии они как раз количественно и составляют культурную «норму». С этой точки зрения Шейла Ларсон — респондентка социолога религии Роберта Белла, практикующая, как она сама выразилась, «шейлаизм», т. е. персональную комбинацию элементов разных религиозных традиций, ведет себя «нормально» (за исключением одного: религии, описанные антропологами, имеют социальный, а не индивидуальный характер; но при этом коллективы ведут себя в религиозных вопросах, как Шейла Ларсон) [17].

Современный горожанин как религиозный тип

Исходя из вышесказанного, мы отнюдь не намереваемся игнорировать привычные конфессиональные маркеры: разумеется, среди современных горожан есть и прихожане христианских храмов, и те, кто соблюдает намазы и уразу, и придерживающиеся заповеди субботнего покоя, и шествующие по Восьмеричному пути, и чтущие Кришну и т. п. Однако эти маркеры дают лишь часть религиозной картины мегаполиса. Религия в дисперсном состоянии проявляет себя в самых разнообразных и порой неожиданных формах. Мы вкратце остановимся здесь только на четырех аспектах религии, пребывающей в дисперсном состоянии: теистическом, сакрально-социальном, экзистенциальном и игровом.

Теистический аспект религиозности (состоящий в представлениях о неантропной, т. е. неподконтрольной человеку и принуждающей силе) современного горожанина представлен не только «классическим» теизмом христианства, ислама, иудаизма. Модификацией теистических представлений являются уфологические, вульгарно-спиритуалистические, фаталистические нарративы. Эти нарративы поддерживаются соответствующей инфраструктурой медиа (специализированной прессой, телеканалами, интернет-ресурсами), различными формами (офлайн и онлайн) общения приверженцев. Одной из распространенных форм модифицированного теизма является «фортунизм» — сово-

купность представлений и практик, связанных с верой в удачу (как неконтролируемую, стихийную силу, не поддающуюся рациональному пониманию и объяснению). Азартные игроки демонстрируют религиозную «захваченность» (именно как «предельную захваченность» понимал религию немецко-американский теолог и философ-экзистенциалист Пауль Тиллих [18]), зачастую переходящую в манию, характеризующую известный религиозный фанатизм. То, что все эти нарративы и практики, как правило, не сопровождаются канонизированными ритуалами, составляет их особенность и свидетельствует лишь о том, что потребность в ритуальной практике адепты этих модифицированных форм теизма удовлетворяют иными способами.

Обособленно от других составляющих религии бытуют представления и практики, связанные с сакральным. Современный горожанин принимает участие в ритуалах, связанных с почитанием общественных святынь: памятных мест, посвященным героям войн, мученикам революций. Для того чтобы картина религиозности современного горожанина была полнее, необходимо учесть также семейные святыни: «иконостасы» семейных фото на стенах квартир, бережно хранимые семейные реликвии. Своеобразное выражение «воли к сакральному» — культ «селебрیتی», «звезд», знаменитостей. Поклонники (фанаты) ждут встречи с предметом поклонения, тратят время на просмотры их страниц в социальных сетях, участвуют в дебатах на этих страницах, защищая своих кумиров от нападков. Порой происходит инверсия, и объект поклонения становится адресатом «хейтинга», что также указывает на сакральный характер «жертвы» нападков.

Современным жителям мегаполиса не чужда аскеза как практика «заботы о себе», как своеобразный «экзистенциальный дизайн». На этом рынке горожанин волен выбирать между занятиями йогой, тренингами личностного роста, нью-эйджерскими ретритами, субкультурными тусовками. Конечно, это может вовсе и не быть связано с практиками благочестия, однако, как было показано выше, такая связь вовсе не является обязательной, если рассматривать религию в широкой социокультурной перспективе. Такой тип религиозности также не требует верности собственной традиции, приверженности своей общине веры [19].

Если принять во внимание то обстоятельство, что в современной культуре важное место занимает игровой компонент, то в круг исследуемых явлений попадают игровые формы религиозности, зачастую совмещенные с субкультурными практиками. Можно выделить своеобразный «косплейный» тип религиозности, когда адепты как бы реконструируют исторические или воображаемые формы религии и развлекают себя участием в (квази)ритуальных действиях, будь то (нео)языческие «события» или фестивали поклонников «Звездных войн», полуигра, полувсерьез воспроизводя воображаемый символ веры и воображаемые практики рыцарей-джедаев.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что современный город — это не секулярное пространство, где на правах «культурного наследия» сохраняются традиционные формы вероисповедания, а скорее «вавилон» самых причудливых религиозных практик. И этот «вавилон» еще ждет своих внимательных к деталям и заинтересованных исследователей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Партэ К.* Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 204 с.
2. *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. 704 с.
3. История религии в 2 т. Т. 2. М.: Высшая школа, 2004. 676 с.
4. *Блаватский В. Д.* Античный город // Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 7—30.
5. *Кареев Н.* Государство-город античного мира. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1910. XII, 348 с.
6. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 860 с.
7. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. 390 с.
8. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 2000. 378 с.
9. *Зеленский Ф. Ф.* Древнегреческая религия. Минск: Экономпресс, 2003. 330 с.
10. *Яворский Д. Р.* Концепция «дисперсной религиозности»: социологические перспективы // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 65—70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42580933>.
11. *McCutcheon R. T.* Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1997. 249 p.
12. *Флоренский П.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии). М.: Мысль, 2004. 685 с.
13. *Dubuisson D.* The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, Ideology. Baltimore: The John Hopkins University Press, 2003. 244 p.
14. Пюсиайнен И. Как работает религия: на пути к новому когнитивному религиоведению / пер. с англ. Т. Малевич, К. Дараган, ред. И. Анофриева. URL: <https://religious.life/2013/04/pyusaiinen/>
15. *Узланер Д.* Введение в постсекулярную философию // Логос. 2011. № 3(82). С. 3—32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-postsekulyarnuyu-filosofiyu>.
16. *Харви Г.* Секс, еда и знакомство. Религия как повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 368 с.
17. Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life / R. N. Bellah, R. Madsen, W. M. Sullivan, A. Swidler, S. M. Tipton. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. 355 p.
18. *Тиллих П.* Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
19. *Hervieu-Leger D.* Religious individualism, modern individualism and self-fulfilment: a few reflections on the origins of contemporary religious individualism // The centrality of religious social life: essays in honor of James A. Beckford. Ashgate Publishing, 2008. Pp. 29—40.

REFERENCES

1. Parte K. *Russkaya derevenskaya proza: svetloe proshloe* [Russian Village Prose: A Bright Past]. Tomsk, Publishing House of Tomsk University, 2004. 204 p.
2. Weber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Favorites. The image of society]. Moscow, Yurist Publ., 1994. 704 p.
3. *Istoriya religii v 2 t. T. 2* [History of religion in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 676 p.
4. Blavatsky V. D. [Antique city]. *Antichnyi gorod* [Antique city]. Moscow, Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1963. Pp. 7—30.
5. Kareev N. *Gosudarstvo-gorod antichnogo mira* [State-city of the ancient world]. Saint Petersburg, Printing House M.M. Stasyulevich, 1910. XII, 348 p.
6. Platon. *Sobranie sochinenii v 4 t. T. 1.* [Collected works in 4 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1990. 860 p.

7. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. T. 1. Fenomen srednevekovogo urbanizma* [A city in the medieval civilization of Western Europe. T. 1. The phenomenon of medieval urbanism]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 390 p.
8. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. T. 3. Chelovek vntri gorodskikh sten. Formy obshchestvennykh svyazei* [A city in the medieval civilization of Western Europe. Vol. 3. Man inside the city walls. Forms of public relations]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 378 p.
9. Zelensky F. F. *Drevnegrecheskaya religiya* [Ancient Greek religion]. Minsk, Econopress Publ., 2003. 330 p.
10. Javorsky D. R. [Concept of “dispersed religion”: sociological perspectives]. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna* [Sociology of religion in the society of late modernity], vol. 9, pp. 65—70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42580933>.
11. McCutcheon R. T. *Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia*. N.Y., Oxford, Oxford University Press, 1997. 249 p.
12. Florensky P. *Sobranie sochinenii. Filosofiya kul'ta (Opyt pravoslavnoi antropoditsei)* [Collected Works. Philosophy of the Cult (Experience of Orthodox Anthropodicya)]. Moscow, Mysl Publ., 2004. 685 p.
13. Dubuisson D. *The Western Construction of Religion: Myths, Knowledge, Ideology*. Baltimore, The John Hopkins University Press, 2003. 244 p.
14. Pyysiäinen I. *How Religion Works: Towards a New Cognitive Science of Religion*. Leiden — Boston, Brill, 2003. Pp. 1—8.
15. Uzlaner D. [Introduction to postsecular philosophy]. *Logos*. 2011, no. 3, pp. 3—32. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vvedenie-v-postsekulyarnuyu-filosofiyu>.
16. Harvey G. Food, Sex and Strangers: Understanding Religion as Everyday Life.
17. Bellah R. N., Madsen R., Sullivan W. M., Swidler A., Tipton S. M. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1985. 355 p.
18. Tillich P. *Izbrannoe. Teologiya kul'tury* [Favorites. Theology of culture]. Moscow, Yurist Publ., 1995. 479 p.
19. Hervieu-Leger D. Religious individualism, modern individualism and self-fulfilment: a few reflections on the origins of contemporary religious individualism. *The centrality of religious social life: essays in honor of James A. Beckford*. Ashgate Publishing, 2008. Pp. 29—40.

© Яворский Д. Р., 2021

Поступила в октябре 2021

Received in October 2021

Ссылка для цитирования: Яворский Д. Р. Религия в мегаполисе: методологические заметки // Социология города. 2021. № 4. С. 61—69.

For citation: Jaworsky D. R. [Religion in metropolis: methodological notes]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 4, pp. 61—69.

УДК 332.05

*О. В. Максимчук***ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ**

Рассматриваются вопросы теории и методологии научных исследований города как социально-экономической системы с позиций генезиса, формирования, развития и прогнозирования производственных (социально- и организационно-экономических) отношений в процессе создания и обеспечения устойчивого функционирования инфраструктуры жизнедеятельности в городе, определяющей комфортность проживания в городе. Теоретической и методологической основой являются фундаментальные научные философские, социологические и экономические разработки, посвященные принципам и законам развития, в том числе развития городов, социально- и организационно-экономических отношений в городах. Данные разработки помогают сформулировать теоретические и методологические принципы и методы социально-экономического изучения городов и инфраструктуру аспектов их развития в контексте социально- и организационно-экономических отношений. Результаты исследований расширяют границы представлений о городе, процессах, протекающих в нем, и представляют интерес для дальнейших исследований.

Ключевые слова:

город,
социально-экономическая
система,
теория, методология,
научные исследования,
экономика, управление.

*О. V. Maksimchuk***CITY AS A SOCIO-ECONOMIC SYSTEM: THEORY AND METHODOLOGY****Введение**

Изучение городов как социально-экономических систем связано с проблематикой исследований отраслевой экономики в сфере строительства, жилищно-коммунального и городского хозяйства [1; 2; 3, с. 41—42; 4—6], пространственной (региональной) экономики, в рамках которой можно выделить дальневосточную, сибирскую, уральскую, московскую, петербургскую [7], волгоградскую [8] школы и исследования зарубежных ученых [9—11]. Экономика и управление городом как социально-экономической системой исследуются с позиций генезиса, формирования, развития, прогнозирования производственных (социально- и организационно-экономических) отношений в процессе создания и обеспечения устойчивого функционирования инфраструктуры жизнедеятельности в городе, выраженной в объектах строительства, жилищно-коммунального и городского хозяйства и определяющей комфортность проживания в этом городе.

Исходными для этих исследований мы считаем тезис Н. Д. Кондратьева: «Перенесение той или иной идеи из одной науки в другую не может оспариваться, если оно научно плодотворно. Раз оно плодотворно, значит, оно и правомерно, так как никакого иного критерия для решения этого вопроса нет и не может быть» [12, с. 60], эволюционную парадигму [13, 14] и следующие принципы:

– исследование проблем всякого развития города как социально-экономической системы основывается на признании приоритета социальной системы города по отношению к экономической;

– в экономическом обосновании управленческих механизмов базовым является принцип Парето в интерпретации: повышением уровня и качества жизни населения в современном городе можно считать форму организации социально- и организационно-экономических отношений, обеспечивающую комфортность проживания с приоритетом социальных интересов;

– междисциплинарный подход в определении уровня развития инфраструктуры жизнедеятельности населения с учетом факторов, влияющих на строительство, городское и жилищно-коммунальное хозяйство;

– изучение динамики развития городов как частных случаев социально-экономических систем большего масштаба.

The issues of the theory and methodology of scientific research of the city as a socio-economic system from the standpoint of the genesis, formation, development and forecasting of industrial (social and organizational-economic) relations in the process of creating and ensuring sustainable functioning of the infrastructure of life in the city, which determines the comfort of living in the city. The theoretical and methodological basis are fundamental scientific philosophical, sociological and economic developments dedicated to the principles and laws of development, including the development of cities, socio-organizational and economic relations in cities. These developments help to formulate theoretical and methodological principles and methods of socio-economic study of cities and the infrastructure of aspects of their development in the context of socio-organizational and economic relations. The research results expand the boundaries of ideas about the city, the processes taking place in it, and are of interest for further research.

Key words:

city,
socio-economic system,
theory,
methodology,
research,
economics, management.

Руководствуясь существующими научными разработками и указанными принципами, мы в данной статье даем описание ключевых аспектов изучения города как социально-экономической системы.

Город как система

Становление и развитие городов принято определять как одно из наиболее значительных явлений в истории человечества. Известно, что возникновение городов обусловили инновационные изменения производственных (социально- и организационно-экономических) отношений: изобретение плуга, колесной повозки, лодки, способов обработки металла и окультуривания растений. И когда эти технические достижения начали применяться в местностях с наиболее благоприятными природно-климатическими условиями, сформировались первые социально-экономические системы (официальная история говорит, что это были государственные образования в Месопотамии — Ур и Вавилон, долине Нила в Египте — Мемфис и Фивы, долине Инда в Индии Мохенджо-Даро и Хараппа, бассейне Хуанхэ в Китае, в Греции — Спарта и Афины)¹. Древние города по численности не превышали 10 % населения всего региона, города с населением 100 тыс. человек или больше встречались редко. Так, Рим во II в. до н. э., Константинополь в качестве политического наследника Рима, Багдад до 1000 г. до н. э., китайские города в эпоху династии Сун в 1100—1300 гг. до н. э., а также Токио, Киото и Осака в Японии XVII и XVIII вв. имели численность населения, превышающую 100 тыс., а в некоторых случаях, возможно, даже достигали 1 млн. В XI—XII вв. крупные города Европы — Венеция, Флоренция, Рим, Париж, Лондон, Кельн, Новгород и др.²

Количество и рост городов доиндустриальной эпохи ограничивались различными проблемами отсутствия инфраструктуры жизнедеятельности: дорог и транспорта, хранения товаров и продуктов питания, защиты от внешних врагов, эпидемий и высокой смертности. Для развития городов требовалась новая форма социализации, производства и организации инфраструктуры жизнедеятельности. В индустриальной

¹Зарождение и эволюция городов. URL: http://finances.social/sotsiologiya_719/zarozhdenie-evolyutsiya-gorodov.html.

²Там же.

Об авторе:

Максимчук Ольга Викторовна —
 д-р экон. наук, проф.,
 зав. каф. цифровой экономики
 и технологий управления
 в городском хозяйстве
 и строительстве,
 Волгоградский государственный
 технический университет
 (ВолГТУ).
 Российская Федерация, 400074,
 г. Волгоград,
 ул. Академическая, 1

Maksimchuk Olga Viktorovna —
 Doctor of Economics, Professor,
 Head of Digital Economy and Manage-
 ment Technologies in Urban Economy
 and Construction Department,
 Volgograd State
 Technical University (VSTU).
 1, Akademicheskaya St., Volgograd,
 400074,
 Russian Federation

стриальную эпоху (около 200 лет назад) научно-технический прогресс привел к принципиальным противоречиям уровня развития производительных сил и производственных отношений; развитие инфраструктуры жизнедеятельности в так называемых развитых индустриальных странах и, соответственно, городах нарастает быстрыми темпами.

Это привело к активной урбанизации: в 1800 г. в мире было менее 50 городов с населением 100 тыс. человек или более; в 1950 г. насчитывалось уже 906 таких городов, а в 1980 г. — 2202 города; в 2016 г. в мире насчитывалось 26 городов с населением выше 5 млн человек, 71 город с населением от 2 до 5 млн и 128 городов с населением 1—2 млн жителей. Итого 225 городов-миллионников, а на 2021 г. в мире насчитывается уже 326 городов-миллионников. В небольших странах, где численность населения невелика, городом может называться и населенный пункт, в котором численность может составлять 3 тыс. человек. Поэтому вопрос подсчета количества городов весьма противоречивый, и мы приводим здесь данные, имеющиеся в открытом доступе. Город — это социально-экономическая система, которую образуют: экономическая подсистема — особая организация взаимодействия экономических ресурсов для целей создания инфраструктуры жизнедеятельности, комфортной для проживания, выраженной в объектах строительства, жилищно-коммунального и городского хозяйства; социальная подсистема — особая форма организации социально- и организационно-экономических отношений субъектов строительства, жилищно-коммунального и городского хозяйства для достижения целей устойчивого развития города.

Город как социально-экономическая система представляет собой сложную совокупность экономических отраслей и видов деятельности, образующих целостность, обусловленную общностью интересов и ценностей субъектов экономики, изменяющуюся преимущественно за счет внутренних источников развития. Основные элементы этой социально-экономической системы — индивидуумы как производительные силы и отношения (социально- и организационно-экономические) между ними.

Также принято рассматривать город как муниципальное образование — часть территории государства, в пределах которой наряду с государственным

управлением осуществляется местное самоуправление для решения только местных вопросов, что определяет административный статус и степень специализации по наличию экономических ресурсов: размер, численность, плотность населения, пространственная (морфологическая) неоднородность, диверсификация, предельная самодостаточность и пр. Города остаются наиболее крупными муниципальными образованиями на территории России, и обычно выделяют города-столицы, областные (краевые) центры, города районного (областного) подчинения, а также малые города. Как территориальные поселения города принадлежат к административно-территориальным единицам — структурным элементам территориального деления государства — и не имеют политической самостоятельности.

Цели создания и функционирования городов как социально-экономических систем:

– обеспечение комфортности проживания населения, определяемой нами как совокупность условий жизнедеятельности, при которых соблюдается баланс социальных и экономических интересов в получении, перераспределении ресурсов на образование, здравоохранение, физическое и психическое здоровье, материальное благополучие с учетом санитарно-гигиенических, эргономических и экологических требований;

– обеспечение устойчивого развития и воспроизводства инфраструктуры жизнедеятельности в городе (жилищно-коммунальной, инженерной, транспортной, производственной, экономической, информационной, рыночной и торговой, инфраструктуры безопасности, туризма, отдыха и досуга);

– формирование, закрепление, передача культуры, определяемой нами как совокупность ценностей и норм, установок и правил, традиций и обычаев, разделяемых всеми жителями города, определяющих их идентичность, особенности города как социальной системы и его включенность в общекультурное пространство.

Две первые подцели характеризуют динамику социально-экономических процессов города, движущим фактором которой выступает научно-технический прогресс (мы определяем его как «инновационный фактор»), а третья подцель характеризует необходимое условие сохранения присущих жителям города, их социально- и организационно-экономическим отношениям свойств, определяемых нами как фактор «преемственности».

Доминирование того или иного фактора на разных стадиях жизненных циклов социально-экономических процессов влияет на их интенсивность, длительность и многообразие состояний города по характеру социально- и организационно-экономических отношений. Идентификация этих состояний в текущем и прогнозных периодах, количественное и качественное измерение — задача многих прикладных наук и особенно экономической, формализующей планы и стратегии развития города. Материальную основу любого города составляют экономические ресурсы. Состояние экономических ресурсов и эффективность их вовлечения в жизнедеятельность города определяются средствами экономико-математической статистики и моделирования. Как правило, это данные «линейной» статистики и/или очень модные и распространенные в настоящее время рейтинговые оценки на основании мониторинга количественных и качественных измерений состояний инфраструктуры жизнедеятельно-

сти, социально- и организационно-экономических отношений в городе, на основании которых определяются конкурентный, экономический потенциал города, его возможности участия в различных национальных программах и проектах на условиях полного или частичного бюджетного финансирования и пр.

Тем не менее они не дают точного представления о результатах реализации потенциала города и не в достаточной степени могут служить основой для прогнозов и стратегических планов и тем более для принятия управленческих решений по вопросам устойчивого развития города. В целом изучение показателей объемов воспроизводства, стоимости и доходности экономических ресурсов, изменения их структуры и состава, качества и количества дает представление об их состоянии и позволяет оценить возможности формирования их резерва и наилучшего способа применения в связи с существующим или планируемым функциональным назначением города. Создается отраслевая структура и иерархия городов, построенная по принципу специализации и самодостаточности. Например, по аккумуляции экономических ресурсов в России можно выделить такие муниципальные образования, как промышленные, аграрные, административные, торговые, университетские и курортные города, наукограды и закрытые административно-территориальные образования.

Именно в этом контексте важно понимание и определение города как социально-экономической системы через ее элементы:

- связи между элементами инфраструктуры жизнедеятельности, определяющими его отраслевую специализацию или функциональные свойства города;
- иерархию социально- и организационно-экономических отношений;
- целеполагание функционирования в окружающей среде (свойства самоуправления или управления);
- многообразие средств к описанию состояний элементов инфраструктуры жизнедеятельности, социально- и организационно-экономических отношений (свойства изоморфизма).

Социально- и организационно-экономические отношения в городе

Взаимодействуя в социально-экономических процессах, протекающих в городе, люди вступают в социально- и организационно-экономические отношения, образуя формальные и неформальные группы и организации различного уровня и масштаба. В широком понимании любой житель города является субъектом экономической и социальной деятельности, вступающим во взаимодействие с другими субъектами, наделенными аналогичными качествами. Каждый из них является носителем экономического интереса — потребности в чем-либо (ресурсе или благе), и потому он принимает целевые решения и осуществляет различного рода деятельность по их выполнению и достижению поставленных целей. Экономический интерес определяет их мотивацию и ролевую функцию в социально- и организационно-экономических отношениях [15]. Для определения ролевой функции в сфере общественного производства различают первичные и вторичные экономические субъекты по признаку опосредования ими прав собственности на интеллектуально-трудовые, информационные, материально-вещественные, материально-финансовые, энергетические ресурсы, а также результаты производства и присвоения материальных и духовных благ (или их части) на каждом из этапов их создания, производства,

обмена, распределения и потребления. Ресурсы и блага — это объект социально- и организационно-экономических отношений, по отношению к которому формируются интересы, ставятся цели и выполняются действия со стороны субъектов.

Определим более четко эти отношения:

– социально-экономические — это отношения собственности на интеллектуально-трудовые, информационные, материально-вещественные, материально-финансовые, энергетические ресурсы, материальные и духовные блага, в основе этих отношений — потребности в ресурсе или благе как объекте собственности, правладения;

– организационно-экономические — отношения по производству, получению, привлечению, обмену, распределению и использованию интеллектуально-трудовых, информационных, материально-вещественных, материально-финансовых, энергетических ресурсов, материальных и духовных благ, в основе этих отношений — определение роли, места и функций субъектов в организационных связях, видах, уровнях деятельности с учетом общественного разделения, специализации и кооперации, наличия определенного количества и качества экономических ресурсов, факторов их комбинирования, обеспечивающих большую или меньшую эффективность их использования в производстве материальных и духовных благ.

Социально- и организационно-экономические отношения между хозяйствующими субъектами города формируются в социальной и экономической сферах получения (привлечения), обмена, распределения и использования (применения, потребления), воспроизводства экономических ресурсов (интеллектуально-трудовых, информационных, материально-вещественных, материально-финансовых, энергетических), духовных и материальных благ.

Множества социально-экономических отношений субъектов города являются динамичными, изменяющимися, происходящими в некоей последовательности, т. е. процессуальны, поскольку «онтологически общество не существует и не может существовать в неизменном состоянии. Вся социальная реальность предполагает собой просто динамику» [16].

Социально-экономические процессы в городе

Социально-экономические процессы в городе — категория, характеризующая ход взаимосвязанных, длительных изменений явлений в жизнедеятельности субъектов города, протекающих направленно или спонтанно в течение определенного времени с модификацией количественных и качественных характеристик [17] соразмерности распределения ресурсов, материальных или духовных благ, что влияет на комфортность проживания, устойчивость развития и воспроизводства инфраструктуры жизнедеятельности, культуру города. Неравномерность и большой разброс в оценках (часто субъективных) индикаторов этой соразмерности вызывают стремление различных групп субъектов влиять на сложившиеся в городе условия с целью удовлетворения определенного интереса — в ресурсе, материальном или духовном благе. Следуя изложенным ранее принципам, мы считаем социальные процессы (протекающие в социальной сфере) доминирующими над процессами, протекающими в экономической, политической, правовой и духовной сферах, хотя, безусловно, все они очень тесно взаимосвязаны и имеют весьма условные разграничения.

Социальную сферу города мы определим как сферу взаимодействия различных групп субъектов (первичных и вторичных) по их ролевой функции, профессиональной, социально-демографической и национальной общности по поводу таких условий инфраструктуры их жизнедеятельности (производственной деятельности, материального благосостояния, достойного здравоохранения, образования, социального обеспечения, соблюдения социальной справедливости при распределении и потреблении ресурсов, материальных, духовных благ, разрешения противоречий социального расслоения общества; социальной защиты населения), которые обеспечивают комфортность их проживания и способствуют высокой жизненной активности в городе.

С точки зрения устойчивости социально- и организационно-экономических отношений в городе можно говорить о стабильных, управляемых, самоуправляемых и нестабильных, неуправляемых социальных процессах. Первые характеризуются устойчивостью города как социально-экономической системы и поведением его субъектов (индивидуумов, групп, общества), отработанными и действенными механизмами принятия экономических решений и реализации экономической политики города, вторые обычно возникают в период кризиса как проявление необходимости изменения этих отношений.

С позиций социологической науки социальные процессы — это процессы, вызванные экономическим неравенством субъектов в целом по комфортности проживания и возможностям пользования развитой инфраструктурой жизнедеятельности, постоянно изменяющиеся под давлением различных факторов:

1) неравенством в жизнеобеспечении (удовлетворении базовых потребностей в питании, одежде, обуви, жилье, коммунальных услугах, предметах быта и культуры, услугах здравоохранения, образования, транспорта, правозащиты, безопасности, отдыха, досуга);

2) неравенством в занятости (удовлетворении потребностей в признании) и вовлечения трудоспособного населения города в процесс общественного производства, вовлечения маломобильных групп населения, людей пенсионного возраста, молодежи в общественно полезную деятельность, приносящую не только трудовой доход, но и сопричастность культуре города как основе преемственности социальных отношений;

3) неравенством в оплате труда и вознаграждении (удовлетворении потребностей в справедливости), распределении части национального дохода соразмерно количеству и качеству труда, затраченного каждым индивидуумом в процессе его деятельности, поступающей в его личное потребление (с учетом соотношения номинальной заработной платы и реальной, измеряемой количеством и качеством ресурсов, материальных и духовных благ, которые можно за нее приобрести) [18];

4) неравенством в получении социальных гарантий (удовлетворении потребностей в справедливости), невыдерживанием соответствия социально-экономических нормативов, гарантирующих населению города соразмерное и непредвзятое распределение и потребление ресурсов, материальных и духовных благ, обеспечение комфортности проживания, получения льгот, субсидий социально защищаемым группам населения (одиноким матерям, инвалидам, пенсионерам, сиротам, участникам военных событий, чрезвычайных ситуаций и катастроф и др.) [19–22].

Проблемы изучения социально-экономических процессов в городе

Социальные процессы напрямую связаны с жизненными циклами индивидуумов, общества в целом и опосредованно — с трансформацией и модернизацией культуры. Как и любое явление, социальный процесс может быть описан моделью жизненного цикла. Жизненный цикл социально-экономических процессов в городе — это длительность процесса во времени от возникновения до окончания согласно законам природы по принципу наименьшего действия.

Исходя из общей типологии социальных процессов, принятой в социологии, будем различать социальные процессы в городе:

– маложивущие — завершающиеся в пределах одного поколения жителей города;

– среднеживущие — живущие на протяжении жизни двух-трех поколений жителей города;

– долгоживущие — длящиеся более жизни трех поколений жителей города и характеризующиеся ярко выраженной периодичностью по типу кондратьевских циклов в экономике, циклов солнечной активности А. Чижевского и триадных циклов Л. Гумилева в истории общества и др. [23, 24].

Социально-экономические процессы в городе, как ранее было отмечено, имеют условные, нечеткие, неоднозначные разграничения по классам, типам, природе происхождения, форме, длительности и пр. Социальная политика, проводимая муниципальными властями, безусловно, подчиняется нормам и нормативам федерального уровня, но в разных городах ее реализация отличается, и это очевидно в первую очередь для тех групп населения, которые подлежат особому учету и имеют право на утвержденные социальные гарантии. Социальная политика может спровоцировать недовольство, явное выражение несогласия, протестное поведение, что в свою очередь может повлиять на корректировку решений и изменение социальной политики. Особенно хорошо это видно в средних и малых городах, хотя инерция социальных процессов в них более выражена.

Город как социально-экономическая система не функционирует сам по себе, он органично встроен в социально-экономическую систему региона, страны, испытывая влияние их структурных элементов (как внешней для него среды — рынков, бизнеса, потребителей, поставщиков, контрольно-надзорных организаций и др.) и также в ответ оказывая влияние на системы большего порядка. Например, социально-экономический процесс «реформа жилищно-коммунального хозяйства» является долгоживущим процессом, воспринимается чаще всего с негативной оценкой различными группами населения, проживающими в жилищном фонде с большой долей износа, отсутствием капитального ремонта и соответствующем современным требованиям модернизации инженерных сетей.

Суть этого процесса определена содержанием реформы жилищно-коммунального хозяйства, которое не знакомо большинству групп населения, выражающих несогласие и неприятие реформы, их представления о реформе имеют локальный характер в границах обозримых жилищных условий — их квартир и домов. Это объясняет расхождение интересов, целей, задач, противоречий в решениях и мерах проводимой экономической политики в части реформирования жилищно-коммунального хозяйства города. Для снятия и

снижения остроты этих противоречий «запускается» другой социально-политический процесс — публичное или открытое управление, позволяющее открыто снять противоречия в различных толкования реформы жилищно-коммунального хозяйства у различных групп населения через работу совещательных органов (общественных советов), общественного контроля и просветительскую работу.

Идентификации социально-экономических процессов в города свойственна большая вероятность «неполного» представления характеристик процесса с помощью заданного теоретического, символического, структурно-логического и алгебраического описания, информационного образа, поскольку для их распознавания служат уже более уточненные технологии измерения количественных и качественных параметров посредством выявления примет и сигналов.

Примета — некоторая наблюдаемая закономерность течения социально-экономических процессов, определяемая относительно устойчивыми или базовыми формами социально- и организационно-экономических отношений субъектов. Развитие всякого города как социально-экономической системы обусловлено давлением инновационного фактора на внешнюю среду косвенного (демографического, социокультурного, природного, научно-технического, политического, макроэкономического факторов) и прямого воздействия (муниципального управления, потребителей, поставщиков и производителей ресурсов, материальных и духовных благ).

Успешность этого развития зависит напрямую от степени преемственности культуры, т. е. положительного, наилучшего опыта в социальной сфере, прежде всего в экономической, духовной и т. д. В свою очередь сама по себе аккумуляция и передача лучших практик, например в экономической сфере, и их преемственность в дальнейшем обеспечиваются появлением новых технологий, иначе говоря — давлением инновационного фактора, оптимизирующего затраты экономических ресурсов. Это усиливает конкурентные преимущества города и его позиции в конкурентном отборе, и наоборот. Выбор вектора развития современных городов во многом определяется и пространственными издержками, влияющими на все сферы жизнедеятельности человека. Например, приметой современного этапа многих социально-экономических процессов в городе является информатизация всех элементов инфраструктуры жизнедеятельности, всех условий, определяющих комфортность проживания, и всех типов отношений между индивидуумами в городе. Приметы тесно связаны с сигналами — концентрированной информацией о взаимодействии факторов и их влиянии на развитие социально-экономических процессов, перешедшей на уровень знака.

Более очевидными и определяемыми (измеряемыми) являются сигналы, характеризующие влияние инновационного фактора на социально-экономические процессы, например в экономике — уровень инфляции, налоговой и процентной ставки, объемы продаж, объемы перевозок и потребления, которые дают информацию об изменениях в производстве и распределении материальных благ, экономических ресурсов. Их внезапные или ожидаемые изменения свидетельствуют об изменении состояний внешней среды (т. е. социально-экономических систем большего порядка).

Менее очевидные и определяемые (измеряемые) сигналы — те, что характеризуют влияние фактора преемственности на культурный код города, его социальное здоровье, истинную культурность и образованность населения, что по-настоящему позволяет определять город как «умный».

Если мы целенаправленно строим или меняем структуру города (или его элементов) как социально-экономической системы или реформируем характер его взаимодействия с системами большего порядка, «запускаем» какие-либо социально-экономические процессы, необходимо и достаточно выяснить у всех его жителей, верны или не верны новшества и почему. Однако выяснить это не так легко, несмотря на широко проводимые в настоящее время исследования, интернет-опросы, анкетирования референтных групп населения, на основании оценок которых делаются попытки признать соответствие нормативам и нормам проводимой социальной, экономической политики в городе.

Значительную часть даже корректной информации, количественно подтвержденных и верифицируемых индикаторов можно использовать только в той мере, в какой сам обладатель этой информации сообразно своим собственным решениям способен ее использовать, осознает ответственность за ее формализацию в виде управленческих решений. Никто не может сообщить все, что он знает.

Это весьма важный момент, поскольку очень многие индикаторы социально-экономических процессов в городе можно измерить количественно, но многие плохо поддаются формализации, что приводит к неправоначальному включению в информационный образ некоторых параметров социально-экономических процессов, слабо связанных с ними, подмене показателей более доступными или формализованными в образах и представлениях носителей первичной информации о них. Это ведет в итоге к подмене или перверсии норм, нормативов, стандартов жизнедеятельности и комфортности в том числе. Как следствие, проявляются искаженные образы социально-экономических процессов. По мнению автора, публичное управление как социально-экономический процесс отлично зачастую представляется в искаженном виде.

Слабая формализуемость основных социально- и организационно-экономических отношений между субъектами может быть охарактеризована с помощью порядковых шкал, например, достаточно информативными для описания сути социально-экономических процессов являются высказывания: «повышение комфортности городской среды влечет снижение оттока молодежи», «рост рождаемости ведет к росту спроса на услуги образования, что ведет к росту их предложения», «рост производства местными производителями продуктов питания сопровождается укреплением продовольственной и экономической безопасности», «укрепление экономики города ведет к росту доходов муниципального бюджета», «чем больше налоговых отчислений в бюджеты всех уровней, тем более эффективна реализация социальной политики». Объединяя их в логические формулы, можно построить модель социально-экономического развития города с применением средства описания слабоформализованных отношений, аппарата нечетких множеств и отношений и дискретной техники.

Социально-экономические процессы в городе являются результатом сложения постоянно действующих разнонаправленных сил действий субъектов, и если наблюдается относительно устойчивая картина развития этого процесса, значит, по каким-то причинам противники сложившейся интегральной картины:

– не в состоянии добиться удовлетворения своих интересов (социальных и экономических), временно примирились, копят силы для изменения своего положения;

– примирились с неудовлетворением своих потребностей, признавая невыполнимость своих ожиданий за время своей жизни, т. е. наблюдается высокий уровень социальной инертности;

– в социальной макросистеме имеет место социальная гармония, т. е. фактически нет противников наблюдаемого развития социально-экономических процессов, нет лидеров изменений, новаторов.

Вследствие этого развитие социально-экономических процессов в городе циклично, их спады обусловлены «потерей» социальной памяти и невмешательством общества, нерезультативностью институтов государства. Именно «потеря» социальной памяти, на наш взгляд, может привести к нарушению причинно-следственных связей в социально-экономических процессах города, создавая ситуации выбора и принятия решений различными группами населения, при которых возможен самый невероятный исход событий: согласно теории И. Пригожина — «свободы воли квантового наблюдателя» [25].

Подъемы социально-экономических процессов в городе зависят от истории города как следствие активной социальной памяти, ее превращения в сильную мотивацию субъектов к социальным действиям по мере приближения уровней неудовлетворения потребностей к некоторому порогу. Как пример в части мотивационного воздействия социальной памяти приведем «Бессмертный полк», приведший к изменениям в социальной политике и политике образования, даже к реновации национальных ценностей.

Общий характер развития долгоживущих комбинированных и долготекущих социально- и организационно-экономических процессов в городе идет по модели спирали, ориентиром из будущего в которой выступают социальные ожидания или субъективные представления индивидуумов о своей роли и месте в иерархии социально- и организационно-экономических отношений, функциональной роли в получении, распределении и потреблении ресурсов, материальных и духовных благ. Социальные ожидания всегда определяются в категориях справедливости [19–22], равенства экономических возможностей при равных способностях индивидуума, равенства перед законом всех субъектов независимо от их имущественного, служебного положения, вероисповедания, национально-этнической и гендерной принадлежности.

В целом развитие социально- и организационно-экономических процессов — это сосуществование и взаимодополнение эволюции (изменения объекта, субъекта, отношений) и инволюции (застоя, стагнации, ухудшения свойств объекта, субъекта, отношений) процесса. С этой точки зрения речь идет об основном противоречии социально-экономических процессов — противоречии социальных и экономических интересов, приводящем к дисгармонии социально- и организационно-экономических отношений, которые на начальном этапе становления процесса плохо формализуются и даже не видны, индикаторы этих состояний являются случайными величинами.

Следуя теории П. Сорокина, исторический рост быстроты изменений социально-экономических систем движется вперед не пропорционально времени, а в ускоряющейся прогрессии по отношению к нему. При этом «ускорителем» развития, по П. Сорокину, является «обмен чувствами, ощущениями,

импульсами, представлениями» как составляющая социально- и организационных отношений [17]. Этим обменом и можно объяснить явление самоорганизации субъектов, чьи действия значимы в создании данного процесса — у Л. Гумилева это пассионарии, в теориях социологии политологии — элиты [26, 27]. Наличие таких элит в городе характеризует явственность и прогнозируемость социальных ожиданий.

Согласование целей, задач, технологий, экономической структуры и культуры, индивидуумов города как социально-экономической системы должно привести к гармонизации отношений и устойчивому развитию. Но вдалеке от состояний устойчивости действуют законы самоорганизации. Для их выявления служат уже более утонченные технологии. Самые простые из них заключаются в выявлении индикаторов. Формализация индикаторов (примет и сигналов) средствами дискретной техники в привязке к инфраструктуре жизнедеятельности и комфортности проживания населения в городе — особая область научной и практической деятельности в формате общемирового тренда построения и модернизации городов по стандарту «умный город» и сценариям «цифровой экономики» [28].

Заключение

Таким образом, мы проанализировали город как социально-экономическую систему, элементами экономической подсистемы которой являются экономические ресурсы, не могущие существовать один без другого, имеющие тесные и многофакторные взаимосвязи, результатом которых является изменение их количества и качества в соответствии с задачами воспроизводства инфраструктуры жизнедеятельности; элементами социальной подсистемы — индивидуумы и разнообразные формы социально- и организационно-экономических отношений между ними, формирующие комфортную среду для проживания.

Нами обосновано, что социально-экономические процессы на уровне города в большинстве своем управляемы и прогнозируемы, однако в каждом имеется доля неопределенности ввиду крайней нестабильности и изменчивости внешней среды, неоднозначной реакции субъектов, неточности измерения количественных и качественных характеристик социально-экономического процесса, чрезвычайной инертности социально- и организационно-экономических отношений, несовпадения параметров их оценки ни по форме, ни по содержанию с управленческими решениями, принимаемыми государством и его организациями, и действий субъектов на уровне города.

Учесть влияние внешних стохастических возмущений, обусловленных социальной и экономической природой города как открытой системы, невозможно, хотя это ставится во главу угла при реализации стандартов «умный город». В этом фокусе проявляется основное направление современных исследований противоречий развития города как социально-экономической системы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексиков С. В., Лескин А. И., Гофман Д. И., Глазунов И. И. Городские дороги и их влияние на экологию урбанизированной среды // Социология города. 2020. № 3. С. 41—49. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_3-2020.pdf.

2. *Беляев М. К., Соколова С. А.* Развитие интеграционной сети пригородных зон России. Волгоград, 2017. 137 с.
3. *Навроцкий Б. А., Полянинов Л. Я.* Человек. Город. Экология. Волгоград. Комитет по печати, 1996. 112 с.
4. *Сидоренко В. Ф., Игнатъев А. В., Аброськин А. А., Ганжа О. А.* Разработка и актуализация генерального плана города во взаимодействии с совершенствованием системы экологического мониторинга атмосферного воздуха для обеспечения оптимальных условий проживания // Социология города. 2021. № 2. С. 52—59. URL: <https://vgasu.ru/nauka/zhurnaly/sotsiologiya-goroda/arhiv/2021-2/6/>
5. *Сидоренко В. Ф., Дудников В. В.* Улучшение качества городской среды путем развития ветроэнергетики в южной части г. Волгограда // Социология города. 2019. № 1. С. 76—86. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_2019-1.pdf.
6. *Корниенко С. В., Миков В. Л., Навроцкий Б. А.* Окна умного дома // Социология города. 2020. № 4. С. 5—18. URL: <https://vgasu.ru/nauka/zhurnaly/sotsiologiya-goroda/arhiv/2020-4/1/>
7. *Ибрагимова З. Ф., Япарова-Абдулхаликова Г. И.* Вклад российских ученых в исследование пространственной экономики // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2017. № 2(20). С. 48—56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-rossiyskih-uchenyh-v-issledovanie-prostranstvennoy-ekonomiki>.
8. *Инишаков О. В., Фролов Д. П.* Институциональность экономического пространства в концепции пространственной экономики // Пространственная экономика. 2007. № 1. С. 5—21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnost-prostranstva-v-kontseptsii-prostranstvennoy-ekonomiki>.
9. *Fujita M., Thisse J.-F.* Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location, and Globalization. Cambridge University Press, 2013. 528 p.
10. *Cencic O., Rechberger H.* Material flow analysis with software STAN // Journal of Environmental Engineering and Management. 2008. Vol. 18. No. 1. Pp. 3—7. URL: https://www.researchgate.net/publication/284663142_Material_flow_analysis_with_Software_STAN.
11. *Codoban N., Kennedy C. A.* The metabolism of neighbourhoods // ASCE Journal of Urban Planning and Development. 2008. Vol. 134. No. 1. Pp. 21—31. doi: 10.1061/%28ASCE%290733-9488%282008%29134%3A1%2821%29.
12. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989. 526 с.
13. *Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В.* Краткий очерк теории эволюции. М.: Наука, 1969. 407 с.
14. *Атопов В. И., Антюфеев А. В., Галиярова Н. М., Кабанов В. Н.* Россия: стратегия прорыва. Синергетические идеи развития. Волгоград: Издатель, 2003. 514 с.
15. *Мамедов О. Ю.* Производственные отношения (политико-экономическая модель). Ростов-на/Д: Феникс, 1997. 211 с.
16. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
17. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.
18. *Баянова О. В.* Формирование учетно-аналитической системы управления затратами на оплату труда. Пермь: ИПЦ «ПрокростЪ», 2014. 312 с.
19. *Карчагин Е. В.* Справедливость: понятие, ценность, норма. Волгоград: ВолгГАСУ, 2013. 184 с.
20. *Карчагин Е. В.* Справедливость в городе: контуры концепции городской справедливости // Социология города. 2016. № 1. С. 84—92. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_2016-01.pdf.
21. *Птичникова Г. А.* «Несправедливый город»: городское пространство как отражение общественных отношений // Социология города. 2012. № 3. С. 47—54. URL: <https://vgasu.ru/upload/files/science/sg-2012-3.pdf>.

22. Социальная ответственность и человеческий капитал предприятий в системе региональной социальной политики / Е. В. Попова, Н. Р. Кельчевская, И. М. Черненко, С. А. Сироткин, И. С. Пелымская. М.: Креативная экономика, 2017. 318 с.
23. *Чижевский А. Л.* Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль, 1995. 756 с.
24. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ: Астрель, 2006. 510 с.
25. *Пригожин И.* От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках / пер. с англ. Ю. А. Данилова; под ред. Ю. Л. Климонтовича. М.: Наука, 1985. 327 с. URL: <https://fireras.su/biblio/wp-content/uploads/38998.pdf>.
26. *Шумпетер Й.* Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. М.: Институт Гайдара, 2011. 400 с.
27. *Кравченко А. И.* Социология Макса Вебера: Труд и экономика. М.: На Воробьевых, 2013. 208 с.
28. *Максимчук О. В., Баулина О. А., Ключин В. В.* «Умное» проживание как один из аспектов формирования «умного» города // Социология города. 2017. № 1. С. 61—77. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_2017-01.pdf.

REFERENCES

1. Aleksikov S. V., Leskin A. I., Gofman D. I., Glazunov I. I. [Urban roads and their influence on the ecology of the urbanized environment]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2020, no. 3, pp. 41—49. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_3-2020.pdf.
2. Belyaev M. K., Sokolova S. A. *Razvitie integratsionnoi seti prigorodnykh zon Rossii* [Development of the integration network of suburban zones of Russia]. Volgograd, 2017. 137 p.
3. Navrotskiy B. A., Polyininov L. Ya. *Chelovek. Gorod. Ekologiya* [Man. Town. Ecology]. Volgograd Press Committee, 1996. 112 p.
4. Sidorenko V. F., Ignatyev A. V., Abroskin A. A., Ganzha O. A. [Development and update of the city master plan in interaction with improvement of the environmental monitoring system of atmospheric air to ensure optimal living conditions]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 2, pp. 52—59. URL: <https://vgasu.ru/nauka/zhurnal/sotsiologiya-goroda/arhiv/2021-2/6/>
5. Sidorenko V. F., Dudnikov V. V. [Improving the quality of the urban environment through the development of wind energy in the southern part of Volgograd]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2019, no. 1, pp. 76—86.
6. Kornienko S. V., Mikov V. L., Navrotskii B. A. [Windows of smart home]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2020, no. 4, pp. 5—18.
7. Ibragimova Z. F., Yaparova-Abdulhalikova G. I. [Contribution of Russian scientists in research of spatial economy]. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya ekonomika* [Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy], 2017, no. 2, pp. 48—56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-rossiyskih-uchenyh-v-issledovanie-prostranstvennoy-ekonomiki>.
8. Inshakov O. V., Frolov D. P. [Institutsional'nost' ekonomicheskogo prostranstva v kontseptsii pro-stranstvennoi ekonomiki]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2007, no. 1, pp. 5—21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsional-nost-prostranstva-v-kontseptsii-prostranstvennoy-ekonomiki>.
9. Fujita M., Thisse J.-F. *Economics of Agglomeration: Cities, Industrial Location, and Globalization*. Cambridge University Press, 2013. 528 p.
10. Cencic O., Rechberger H. Material flow analysis with software STAN. *Journal of Environmental Engineering and Management*, 2008, vol. 18, no. 1, pp. 3—7. URL: https://www.researchgate.net/publication/284663142_Material_flow_analysis_with_Software_STAN.
11. Codoban N., Kennedy C. A. The metabolism of neighbourhoods. *ASCE Journal of Urban Planning and Development*. 2008, vol. 134, no. 1, pp. 21—31. doi: 10.1061/%28ASCE%290733-9488%282008%29134%3A1%2821%29.

12. Kondrat'ev N. D. *Economic dynamics problems* [Problemy ekonomicheskoi dinamiki]. Moscow, Ekonomika, 1989. 526 p.
13. Timofeev-Resovsky N. V., Vorontsov N. N., Yablokov A. V. *Kratkii ocherk teorii evolyutsii* [A brief outline of the theory of evolution]. Moscow, Nauka, 1969. 407 p.
14. Atopov V. I., Antyufeev A. V., Galiyarova N. M., Kabanov V. N. *Rossiya: strategiya proryva. Sinergeticheskie idei razvitiya* [Russia: a breakthrough strategy. Synergistic ideas of development]. Volgograd, Publisher, 2003. 514 p.
15. Mamedov O. Yu. *Proizvodstvennye otnosheniya (politiko-ekonomicheskaya model')* [Industrial relations (political and economic model)]. Rostov on Don, Phoenix, 1997. 211 p.
16. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change]. Moscow, Aspect Press, 1996. 416 p.
17. Sorokin P. A. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Saint Petersburg, RKhGI, 2000. 1054 p.
18. Bayanova O. V. *Formirovanie ucheto-analiticheskoi sistemy upravleniya zatratami na oplatu truda* [Formation of an accounting and analytical system for managing labor costs]. Perm, Prokrost, 2014. 312 p.
19. Karchagin E. V. *Spravedlivost': ponyatie, tsennost', norma* [Justice: concept, value, norm]. Volgograd, VolgGASU, 2013. 184 p.
20. Karchagin E. V. [Justice in the city: contours of conception of urban justice]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2016, no. 1, pp. 84—92. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_2016-01.pdf.
21. Ptichnikova G. A. [“Unfair city”: urban space as a reflection of public relations]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2012, no. 3, pp. 47—54. URL: <https://vgasu.ru/upload/files/science/sg-2012-3.pdf>.
22. Popova E. V., Kelchevskaya N. R., Chernenko I. M., Sirotkin S. A., Pelymskaya I. S. *Sotsial'naya otvetstvennost' i chelovecheskii kapital predpriyatii v sisteme regional'noi sotsial'noi politiki* [Social responsibility and human capital of enterprises in the system of regional social policy]. Moscow, Creative Economy, 2017. 318 p.
23. Chizhevsky A. L. *Kosmicheskii pul's zhizni: Zemlya v ob'yatiyakh Solntsa. Geliotaraksiya* [Cosmic pulse of life: Earth in the arms of the Sun. Heliotaraxia]. Moscow, Mysl, 1995. 756 p.
24. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. Moscow, AST, Astrel, 2006. 510 p.
25. Prigogine I. *From being to becoming: time and complexity in the physical sciences*. W. H. Freeman and Company, 1980.
26. Joseph A. *Schumpeter Ten Great Economists From Marx to Keynes*. N. Y., Oxford University Press, 1951.
27. Kravchenko A. I. *Sotsiologiya Maksa Vebera: Trud i ekonomika* [Sociology of Max Weber: Labor and Economics]. Moscow, Na Vorobyevykh, 2013. 208 p.
28. Maksimchuk O. V., Baulina O. A., Klyushin V. V. [“Smart” living as one of the aspects of the formation of a “smart” city]. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2017, no. 1, pp. 61—77. URL: https://vgasu.ru/upload/files/science/sg_2017-01.pdf.

© Максимчук О. В., 2021

Поступила в ноябре 2021

Received in November 2021

Ссылка для цитирования: Максимчук О. В. Город как социально-экономическая система: теория и методология изучения. Социология города. 2021. № 4. С. 70—84.

For citation: Maksimchuk O. V. City as a socio-economic system: theory and methodology. *Sotsiologiya Goroda* [Sociology of City], 2021, no. 4, pp. 70—84.

**УСЛОВИЯ
ПРИЕМА СТАТЕЙ В РЕДАКЦИЮ
И ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРСКИМ
ОРИГИНАЛАМ**

Научно-теоретический журнал «Социология города» (далее — Журнал) издается для ознакомления научной общественности с результатами научных исследований по проблемам урбанистики.

Учредитель Журнала — ученый совет ВолгГТУ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-71951 от 13 декабря 2017 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Журнал зарегистрирован Международным центром ISSN, *ISSN 1994-3520 (Print), ISSN 2077-9402 (Online).*

Журнал **входит в Перечень** ведущих рецензируемых научных изданий, в которых могут быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по состоянию на 16.04.2018) по следующим группам научных специальностей: 05.23.00 — строительство и архитектура; 05.26.00 — безопасность жизнедеятельности человека. Материалы, содержащие оригинальные результаты исследований по группам научных специальностей 09.00.00 — социологические науки; 22.00.00 — философские науки, могут быть опубликованы, но не включаются в Перечень рецензируемых научных изданий, где публикуются научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал выходит четырежды выпусками в год.

Требования к оформлению статей. Статью необходимо представить на электронном носителе и в распечатанном виде в сопровождении: 1) заполненного автором лицензионного договора (2 экз.) (*скачать бланки* <http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>), 2) анкеты автора (<http://www.vgasu.ru/science/journals/city-sociology/preparation-requirements/>). Все сопроводительные документы представляются на бумажных носителях в оригинале.

В отдельном файле помещаются сведения об авторах на русском и английском языках, а также кириллицей — в полном соответствии с данными в заполненном бланке анкеты (см. выше): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность, место работы; почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты.

В статье приводятся:

индекс УДК;

на русском и английском языках:

фамилия и инициалы автора,

название статьи,

аннотация (на рус. яз. — до 500 знаков, на англ. — от

500 знаков до полной страницы),

ключевые слова.

Текст статьи заверяется подписью автора (соавторов).

Объем статьи — не менее 10 с. установленного формата журнала (см. ниже), включая название, аннотации, ключевые слова, текст, таблицы, рисунки, библиографический список.

Оригинал статьи должен быть набран с помощью пакета программ *Microsoft Office (Word 2003)*; шрифт *основного текста* — Times New Roman (Сур) № 11 (11 пунктов).

Векторные рисунки, сохраненные в формате WMF, *растровые* — в TIF или BMP, *графики и диаграммы*, построенные в *Microsoft Excel*, дополнительно помещаются на электронный носитель отдельными файлами. Имя файла должно соответствовать наименованию или номеру рисунка в тексте статьи. Кроме того, *иллюстрации* обязательно присылаются распечатанными на отдельных листах формата А4 в масштабе 1:1, в пригодном для сканирования виде.

АВТОРАМ

Размер шрифта текста в рисунках — 9...10 пт. *Подписи к рисункам* выполняются непосредственно в тексте статьи шрифтом Times № 10 (10 пт), экспликация в подрисуночной подписи — Times № 9 (9 пт). Для сжатия больших файлов использовать архиваторы *Arj* и *WinZip, WinRAR*.

Цветные и черно-белые фотографии присылать в оригинальном виде с подписями на обороте. Цифровые фотографии выполнять с разрешением не менее 300...600 dpi, присылать в электронном виде в любом графическом формате, кроме .jpg.

Текст *таблиц* набирается шрифтом Times New Roman (Сур) № 10 (10 пт).

ПРИСТАТЕЙНЫЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СПИСКИ РАЗМЕЩАЮТСЯ ПОСЛЕ ОСНОВНОГО ТЕКСТА СТАТЬИ.

В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература. ПРИВЕТСТВУЕТСЯ ЦИТИРОВАНИЕ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАНЕЕ В ЖУРНАЛЕ СТАТЕЙ. Источники группируются в списке в порядке упоминания в тексте. Ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках (ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ). В библиографическую запись включаются только основные элементы библиографического описания (ГОСТ 7.0.5—2008). Разделительные знаки «тире» между областями опускаются. Шрифт Times New Roman (Сур) № 9 (9 пт). Язык библиографических записей соответствует языку описываемых источников.

Авторы статей несут всю полноту ответственности за содержание статей и за сам факт их публикации. Редакция журнала не несет никакой ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, нанесенный публикацией статьи. Редакция исходит из того, что, в соответствии с законодательством РФ в части авторского права, автор, направляя статью в редакцию, полностью соглашается с условиями редакции и, следовательно, только сам лично несет ответственность за использование в тексте статьи материалов третьих лиц и соблюдение их авторских прав. Все права автора и вся полнота его ответственности сохраняются и после публикации статьи в журнале.

Порядок рецензирования. Статьи обсуждаются редколлегией, рецензии, поступившие в сопроводительных материалах, учитываются.

Статьи, не отвечающие изложенным требованиям, редколлегией не принимаются. Материалы, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста. Корректур статей авторам не предоставляется. Переписка, телефонные переговоры по согласованию авторских и редакционных изменений текста статьи производятся за счет автора.

Гонорар за опубликование статьи не выплачивается, плата за публикацию статей с аспирантов не взимается.

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ОЧЕРЕДНОГО НОМЕРА ЗАВЕРШАЕТСЯ ЗА 3 МЕСЯЦА ДО ПЛАНИРУЕМОГО ВЫХОДА В СВЕТ.

Примерный график выпуска журнала:

- март (прием статей до 1 декабря);
- июнь (прием статей до 1 марта);
- сентябрь (прием статей до 1 июня);
- декабрь (прием статей до 1 сентября).

Тематические рубрики. В Журнале публикуются научные статьи и другие материалы по вопросам социологии, философии, экономики, политологии и других гуманитарных наук в соответствии с основными тематическими рубриками:

Человек в современном городе.

Основные направления развития российских городов и поселений.

Техносфера современного города: город и экология.

Направлять статьи, обращаться по вопросам условий публикации по адресу jurnal-fil@mail.ru

Главный редактор «Социологии города» Евгений Владимирович Карчагин: (8442)-96-99-25. E-mail: jurnal-fil@mail.ru

Научное издание

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

2021. № 4

Научно-теоретический журнал

Корректор *М. Л. Манзюк*

Компьютерная правка и верстка *М. Л. Манзюк*

Компьютерный дизайн обложки *Т. М. Потокينا-Курилкина, О. Ю. Мелешин*

Информационно-библиографическое обслуживание *Е. В. Подшивалина*

Дата выхода в свет 25.01.2022

Формат 70 × 108/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная

Уч.-изд. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,6. Тираж 500 экз. Заказ № 223

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Волгоградский государственный технический университет»

Типография ИАиС ВолгГТУ

Адрес издателя: 400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, 28

Адрес типографии: 400074, Волгоград, ул. Академическая, 1